

Виктор ТЕН

ПАВЛИН

Повесть

Январь 1998-го ничем не отличался от других индийских январей и встретил путешественников зноем.

— Where is city?!*

Пожилой таксист в фиолетовой чалме удивленно обернулся:

— Here is city**.

— Where?!

Индус показал на самые большие трущобы на самом трущобном континенте.

— Here.

— Вставляет! — сказал Павел. — Эти картонные многоэтажки — как фараоновы пирамиды.

— Я думал, что Бомбей — это Бомбей, а трущобы отдельно, — обернулся сидевший рядом с водителем Михаил. — Интересно, какая будет гостиница?

— Судя по тому, как долго таксисты обсуждали, где это место, туда лучше не соваться. Вообще, что это за сюрприз? Я планировал из Бомбея сразу рвануть в Палолем.

— Дался тебе этот Палолем! Вот давай не будем планы ломать.

— Да ладно! С тебя в визовом центре потребовали бронь в гостинице, ты и оформил. А с меня почему-то нет, там смена была другая. Сами написали от фонаря и отправили в консульство. Сколько ты заплатил? Тысячу? Две? Давай отдам половину — и едем в Гоа. По моему, туда проще добраться, чем до этой гостиницы.

— Нет! Вот давай сразу договоримся: все будет по плану!

— По какому?! Когда обсуждали маршрут, ни о каком отеле в Бомбее не было и речи.

— Не надо ныть!

— Что?!

* Где город?! (искаж. англ.)

** Здесь город (искаж. англ.).

Впрочем, Павел не сказал «что», только подумал, удивленно глядя на лысину, окаймленную горжеткой редких волос. Похоже, в Михаиле проснулся мент, назначивший себя верховодить в поездке.

Знакомы они были давно, более двух лет, и ни разу не ссорились, потому что оба были просто мужиками, просто пьющими пиво в пивной. Их свел популярный бар городского пивзавода, где живое пиво в кружке стоило дешевле, чем убитое в бутылке. Это привлекало, ибо повсюду было наоборот.

За пивасиком Михаил рассказывал о своих давних подвигах за бургом — в США. Павел слушал его, восхищаясь.

Заурядная личность, инженер-экономист бумажной компании, он с детства мечтал о дальних странствиях и вот решился. Выяснилось, что для Америки, в которую в конце восьмидесятых Михаил влетел с одним молоткастым-серпастым, теперь требуется куча-мала документов. Да и страна эта со всей ее цивилизацией, где даже сточные воды пахнут отдушками, его не привлекала. А вот Индия, с ее естественным колоритом, манила.

Удивив знакомых своим тихим, но решительным «Еду!», отступить Павел Локотов уже не мог. Неужели он хоть раз в жизни не способен проявить характер? Может, и отступился бы, если б не жена, открыто насмеявшаяся над его затеей. Она считала его лопухом и откровенно презирала еще с приватизационных времен. На это у нее были веские основания. Люди на пустом месте деньги делали, а он семь миллионов проворонил.

— Не могу я друга предать! — убеждал Павел жену. Та нарочно громко хлопала проржавевшей дверкой старого холодильника. — Ваньков друган мой еще со студенчества! И я же его уговаривал на комбинат вернуться, когда Пухно вывалили в Шаню!

В разгар приватизации заводы часто скатывались к черте выживания — благодаря субъективному фактору, говоря газетным языком. Их валили собственные управленцы с целью скупить у работяг акции за бесценок, а то и взять даром. Это была тонкая игра, когда счета следовало почти обнулить, чтобы месяцами не платить рабочим, но в то же время не переступить порог банкротства, когда назначалось внешнее управление. Оголодавшие работяги сдавали акции в дирекцию в обмен на собственное жалованье, заработанное трудом и потом. Именно так руководил Пухно.

Экономист Локотов видел, что объективных причин опускаться до плинтуса не существует. Сырья, целлюлозы и макулатуры, хватало, и продукция востребована, невзирая на кризис. Разница состояла только в том, что былой совдеповский дефицит приказал долго жить, и девчата из отдела сбыта теперь крутились как белки, а не жевали целыми днями напролет конфеты «Белочка» производства местной кондитерской фабрики, которые им коробками таскали в былые времена представители торговли, налетавшие со всей страны кланчить о поставках.

Да и кондитерка накрылась, а ее бывший директор, продав все оборудование, теперь продавал недвижимость, включая пионерлагерь и базу отдыха в Геленджике.

Когда рабочие, войдя в кабинет Пухно, подняли его в кресле на руки, пронесли до ближайшей излучины реки и вывалили в воду, Локотов первым предложил ехать на поклон к Ванькову.

Ваньков, бывший главный инженер, уволившийся по собственному желанию от афер Пухно подальше, занимал аналогичную должность на целлюлозно-бумажном комбинате в Сибири. Предложение заставило его страдать труднейшей из проблем — выбора. Но это была слезная мольба бедных людей, которых он знал полжизни, и его сердце, благополучно пережившее два инфаркта, дрогнуло. Они с женой возвратились в дом ее матери.

Спустя примерно год акции провинциальной бумажной фабрики высветились на табло у Чубайса, в главном приватизационном центре на Старой площади в Москве, как самые дорогие в стране. Активы котировались выше нефтяных и газовых. Туалетная бумага, кто бы мог подумать! На завод зачастили журналисты и алчные рты. Началась ожесточенная борьба за контрольный пакет. Даже знаменитая английская фирма «Пектор энд Гумбл» прислала своего эксперта, который дал заключение, что завод не только жизнеспособен, но и развивается. А если еще избавиться от пережитков социализма, всякого рода непроизводительных трат и непрофильных активов, то прибыль можно удвоить. Англичане включились в скупку акций наряду с хваткими москвичами.

Ваньков развесил на всех проходных плакаты: «Товарищи рабочие! Не продавайте свой завод! У меня, как у вас у всех, ровно 21 акция, я их никогда не продам! Мы сильны, пока вместе! Наш комбинат не имеет долгов, заработная плата выплачивается своевременно. Мы развиваемся. В Германии заказана новая бумагоделательная машина. Давайте и дальше вместе жить и работать! Не продавайте свой завод!»

В это время кто-то распустил слух, что акции — это не деньги, которые лишними не бывают. Акции, оказывается, могут оказаться лишними! Достаточно кому-то скупить пятьдесят процентов плюс одна акция — и остальные уже никому не будут нужны. Или как минимум резко упадут в цене. Народ выстроился в очереди к скупщикам. Все, кроме Ванькова и Локотова. В среднем пакет из двадцати одной акции давал семь миллионов рублей — бешеные деньги. Бумажники, набив карманы и сумки дензнаками, арендовали автобусы и ездили шумными толпами в Москву и Петербург за покупками. В дома вползали гарнитуры на рахитичных ножках. Старые холодильники вывозились на садовые участки и переделывались в коптильни. Стало зазорно не иметь телевизора в ванной. Этот праздник приобретательства не только утолял вечную жажду, но и удовлетворял самолюбие бумажников на фоне унылых взглядов голодающих работяг с других предприятий, которые толпились в другой очереди — в отдел кадров бумажного комбината.

Победили молодые, азартные москвичи с чемоданами денег непонятного происхождения — благодаря агрессивному стилю скупки акций. «Пектор» тоже продал им свой пакет ввиду явного отставания в темпах.

Новые хозяева начали с того, что уволили всех, кто перешагнул пенсионный возраст, а таких набралось почти четверть, около пятисот человек. Одержавшие победу плохиши громко хохотали, узнав, что на заводе работает женщина 1906 года рождения. Устроившись еще девочкой в 1920-х годах, тетя Таня трудилась в войну мастером, успешно заменяя нескольких мужчин. В описываемое время в ее обязанности входил уход за цветами, которых в цехах традиционно было множество. Передвигаясь от окна к окну странной прыгающей походкой, не прямо, а боком и галсами, худенькая старушка с маленькой леечкой в руках неизменно вызывала улыбку у всех встречных работяг. Девчата поверяли ей сердечные тайны, женщины плакались в передник, парни и мужики весело орали: «Здоров, тетя Тань! Как жизнь молодая?» — и считали за удовольствие перемещать горшки и кадучки по ее просьбам. Жизнь у тети Тани неизменно была прекрасной. Ваньков не без оснований держал ее за главного психотерапевта: видеть бодрого девяностолетнего человека — это само по себе внушало оптимизм. Тетю Таню уволили, а кадки с возвращенными ею пальмами и плетистыми розами сбагрили московским флористам. Те заплатили больше, чем тетя Таня заработала за всю свою жизнь. Цветы перестали украшать праздную, с многочисленными перекурами, жизнь рабочего класса и украсили тяжелые трудовые будни банкиров.

На освободившиеся после увольнения пенсионеров места новых рабочих набирать не стали, нагрузку переложили на оставшихся.

До сих пор рабочие были уверены в том, что уж если они работают на бумажном комбинате, бумагу ни они, ни их родственники и знакомые в магазинах покупать не должны. Их быстро в этом разубедили, посадив пятерых и уволив за мелкое воровство человек двести. Хватило всего двух рейдов, так как рулончики изымались на каждой из пяти проходных почти у каждого. Заодно на всякий случай избавились от профсоюза: всех, кого поймали, то есть большинство, перевели на временный трудовой договор, предложив выбирать между ним и увольнением. Коллективного договора не стало, а с ним и коллектива со столетними традициями.

Далее молодые москвичи начали разбираться с непрофильными активами. Продали Дворец культуры, сняли с баланса дачный кооператив, в котором сразу же пропали вода и электричество. Многие рабочие десятилетиями пользовались участками под картошку на территории подсобного хозяйства. Их повыгнали, заводской подход в пять тысяч гектаров ликвидировали, земли распродали под коттеджное строительство. Ввиду этого бедствия как-то незаметно, тарелка за тарелкой, ускользнули в небытие бесплатные обеды, которые готовились в заводских столовых из качественной продукции подхода. Далее начали

разбираться с огромным ЖКХ и прочей «социалкой». Жильцов общежитий, у которых, разумеется, не нашлось ордеров, выселили хитро, в два этапа. Вначале общаги переоформили в «гостиничный тип жилых помещений» и довели плату до уровня отелей. Когда накопились неплатежи, обитателей выселили по закону, «стимульнув», как положено, судей, а здания продали. В одном на самом деле устроили гостиницу, которая приносила неплохой доход. Нашлись покупатели и на заводской пансионат в Анапе.

Этой периферии за глаза хватило москвичам на компенсацию затрат, связанных с приобретением контрольного пакета. Получалось, что сам завод они взяли даром.

Жилые дома перестали содержать, и в них пропали привычные удобства. Закрыли общедоступную баню, бесплатную для рабочих комбината. Там устроили элитную сауну с огромным бассейном и банкетным залом, в которой принимали далеко не простых особ. С загадочных «корпоративов» доносились голоса Моисеева, Киркорова и прочих примадонн, которые подкатывали в затемненных лимузинах длиной в полкилометра.

Закрытие бани возмутило бумажников больше всего. Они и не догадывались, какое огромное место занимал еженедельный банный ритуал в их жизни. Вдруг выяснилось, что именно их «банька», выстроенная из плинфового кирпича еще в восемнадцатом веке, в которой парились не только отцы и деды, но и деды дедов, была истинным центром всего бумажного сообщества.

Даже категорический запрет перекуров ударил не так сильно, как закрытие бани. Новые хозяева ввели систему штрафов, благодаря которой довели зарплату до разумного, на их взгляд, предела: среднего по региону, что означало снижение в разы. Один перекур стоил треть месячного заработка.

Бумажники потащили благоприобретенные холодильники и телевизоры на рынок, где отдавали за бесценок, потому что предложение далеко опережало хилый спрос.

Однако эта картина отнюдь не расхолаживала антилокотовский пыл его дражайшей половины.

— Люди хоть попользовались! А ты такие деньги потерял! Семь миллионов! Ворона! Книжки надо меньше читать, умней станешь, а то и жуешь с книжкой! И писать в стол фанаберию всякую. Вот кому твоя книга «Последнее дело Пушкина» нужна? Все равно никто не опубликует. Чего теперь стоят твои акции-то, олух ты царя небесного! Ваньков ему дался. Вон твой Ваньков — на участке копается, руки потрескались все! Директор, твою мать, в цыпках!

Сама Локотова отношения к бумажному комбинату не имела, преподавала в школе информатику.

Бывший директор, забрав трудовую книжку, теперь не знал, куда податься, и временно жил небольшим огородиком у дома своей тещи.

Стоически приемля судьбу, он не отвечал ни на чьи вопросы. Здоровался, улыбаясь одними глазами, полными невероятной сини, и вновь погружался в работу с тямкой или лопатой в руках. Между тем у рабочих, которые в период ажиотажа с продажей акций при встречах с Ваньковым опускали глаза, теперь вдруг нашлись к нему вопросы. Свесившись через плетень, подпитые работяги, особенно бывшие, безжалостно уволенные новыми хозяевами, пытали не раз:

— Ну, что скажешь? Расскажи, как ты весь завод продал! Ты директор был, ты и отвечай! Мы — рабочий класс, понял? Рабочий класс ни за что никогда не отвечает. А ты руководитель был и разбазарил все. Такой завод! Иди теперь моих детей корми, гад! Ты думаешь, свою картошку жрать будешь? Я приду, выкопаю для своих детей голодных, и ты ничего мне не сделаешь. Мы, рабочий класс, тебе верили, а ты?.. Чтоб ты сдох, падла!

Между тем Павел считал, что им, бумажникам, в отличие от многих других пролетариев эпохи перемен, повезло уже во второй раз. Молодые москвичи по тактике являлись жестокими монетаристами, но стратегически продолжали ваньковскую линию, а не линию Пухно: развивали, а не разваливали производство. К дельным советам они прислушивались. Например, Локотов предложил на одном из совещаний отменить германский заказ на машину по производству газетной бумаги. Он тогда временно замещал главного экономиста: бывший, пенсионного возраста партиец, умер от инфаркта в кабинете гендиректора, не выдержав разговора. Нового с нетерпением ждали из мест не столь отдаленных.

— Бумагоделательная машина — это, считай, целый завод. У нас на весь комбинат их пять. Очень серьезное вложение. Я Ванькову говорил, но он традиционалист, а тут такое дело...

— Какое дело? — насторожился генеральный, бывший спортсмен, около тридцати от роду, всегда в строгом костюме, который не портил его подтянутую, но уже начавшую слегка раздаваться фигуру.

— Видите ли, бумагоделательную машину устанавливают не на год и не на пять лет — на несколько десятилетий. Достаточно сказать, что под нее надо строить отдельное здание. У нас одна машина полвека работает. Следовательно, надо думать не на год-два, а на десять лет вперед как минимум.

— И что же вы думаете?

Локотов с трудом выдержал направленные на него взгляды двадцати пар глаз, из которых половина были почти незнакомы. Продолжил, переведя дыхание:

— Думаю, что высокий спрос на газетную бумагу со временем резко упадет. Правда, не знаю когда. Лет пять — десять. Уже много электронных изданий появилось, да и телевидение развивается жуткими темпами. Тогда, я думаю, даже у Балахны начнутся большие проблемы, потому что в нашем деле переориентация дорого стоит. Это не токарные станки поменять.

— Понял! — резко бросил гендиректор. — Предложение какое?

— Если средства есть, закупить машину по производству подгузников.

— Сомневаюсь, что в этой стране люди массово перейдут с пеленок на подгузники. Это еще почти экзотика, — сказала начальник планового отдела, полная дама цыганской внешности. — Мы этот вопрос уже обсуждали при Ванькове, — пояснила она генеральному. — Лично я против. И зачем возвращаться, не понимаю.

— Когда я был студентом, — сказал Павел, — туалетная бумага была экзотикой. Казалось, а газеты тогда зачем? А теперь? У кого есть знакомые, которые пользуются газетами? То же будет с пленками. Если во всем мире их уже не используют, почему вы думаете, что у нас будет по-другому? От общих тенденций мы никуда не уйдем, если страна открыта.

— Чел вопрос задал, — сказал генеральный. — Колемя все: у кого есть друзья, которые газеткой подтираются? Может быть, из присутствующих кто?

Воцарилось плотное молчание, нарушаемое, как трясина хлопками исходящих газов, смущенными смешками.

— Не знаю, как другие, но я даже на зоне... — начал было главный бухгалтер.

— То-то, — быстро перебил его генеральный. — В этом предложении что-то есть.

Сказал — и перевернулся вокруг оси на вертящемся мягком стуле, демонстрируя со всех сторон свой великолепный костюм, застегнутый на одну пуговицу.

«Дети!..» — подумал Павел. Генеральный одевался и вел себя «повзрослому» слишком заметно, чтобы в это можно было поверить. Если Ваньков был общедоступен и нуждался в секретаре лишь во время своего отсутствия на заводе — чтобы было кому отвечать на вопросы о директоре, то новый генеральный обзавелся целым штатом референтов, как они именовались. Доступ к нему был организован в виде многоступенчатой пирамиды. Но однажды Локотов застал гендиректора, когда тот, задрав кверху ноги, весело вертелся на стуле ценой в автомобиль. Референт был тут же, как только вбежал вслед за Павлом, уволен за то, что замешкался.

«Дети!.. И спортсмены, и бандиты, и гендиректора, а как были детьми, так и остались».

Спустя неделю Локотова вызвали в бухгалтерию и вручили премию в размере — подумать только! — полугодовой зарплаты. «За проявленную инициативу», — значилось в приказе. Это было ново. В старые времена инициативу как таковую не поощряли. Вначале внедряли, потом поощряли, если была прибыль. Локотов не раз получал «радухи» за оптимизацию труда, всегда очень небольшие. А тут — полугодовая зарплата за одну только инициативу. А если он неправ?! Выходит, что

молодые высоко оценили инициативу по факту, а не результатам. Стимулируют, чтоб люди мозгами шевелили и не боялись предлагать. Это наводило на интересные мысли по экономике. Говорило о смене парадигм. Объясняло жесткие зачистки некреативного балласта.

Заказ на машину по производству газетной бумаги был дезавуирован с выплатой штрафа и заменен на другой: тот, что предложил Павел. Вовремя он выступил: в Германии машину еще не начинали делать в натуре, только на бумаге.

Перед супругой он не стал хвастать своим успехом. Премию вложил в валютный депозит — для Индии.

В Новый год она не утерпела, съехидничала:

— Поздравляю с возвращеньцем! Ну что, съездил в свою Индию? Что я говорила? Ой, не смей меня!

Внутренне он уже побывал в Индии, точнее, она в нем. В интернете он познакомился с девушкой Натой из Питера, которая настоятельно советовала ехать в Палолем, потому что «земной рай и дешево». Духовно он уже обжился в дешевом раю под пальмами. Но это был не поступок. Даже наоборот: противоположность поступку, как любое отвлеченное мечтание.

— Эй, Палолем! Белье бы занес с мороза! — выкрикнула супруга в форточку тридцатого декабря.

Сразу после праздников он написал заявление на отпуск в феврале.

— Ты что, один собрался? — спросил Михаил в пивнужке.

— А что? Ты же в Америку один ездил.

Павел никого не просил составить ему компанию. Не было смысла: все считали, что надо пользоваться услугами турфирм. Но разве это будет поступок? Да и денег потребуют невозможных, восемьдесят тысяч. А за что? Привезут, бросят в захудалую гостиницу вместо обещанных звездочек, а через десять дней выгребут. Одно слово, что побывал в Индии. Да и жена категорически не одобрит такой огромный расход. Всенепременно в турфирме вынюхает, сколько он заплатил. Тогда — прощайте крохи домашнего покоя, которые он еще имел после чертовой приватизации. Расходы необходимо было скрыть, а это означало одно: отправиться дикарем. В таком случае супруга не будет против: хрен с тобой, седина в голову, бес в ребро, хоть отдохну от тебя. Может, сгинешь там.

— Ты прав, — сказал Михаил, прихлебывая пиво. — Еще добавь, что все десять дней будешь прикидывать, насколько тебя в турфирме обули в шлепанцы. А тут два месяца и дешевле втрое. А если жаться, то и меньше.

— Да я в любой хижине могу, — сказал Павел. — Были бы вода и хлеб.

— А что, — добавил Михаил, отламывая рыбий хвост, — начинаю я про Америку рассказывать, все спрашивают: когда это было? Десять лет назад, говорю. Это уже не кóтит. Наверно, я с тобой смотаюсь. Буду про Индию рассказывать.

Таким образом они вдвоем и оказались в Бомбее, где к великому изумлению узнали, что это то самое место, где туземничали прославленные Ильфом и Петровым мумбо-юмбо. Португальцы, не расслышав мягкий местный говор, назвали место Бомбей. Но теперь историческая справедливость восстановлена: Мумбоюмбаи, сокращенно Мумбаи.

...Выгрузились из такси на пяточок асфальта у убогой, без собственной территории, гостиницы в Новом Мумбае — совсем другом, еще более трущобным городе, чем Бомбей. Похоже было, что отель возводился самостроем из чего ни попадя.

— *Russia is friend of India*^{*}, — встретил их, улыбаясь, сморщенный низкорослый портье, выдавая ключ и покачивая при этом головой из стороны в сторону.

Данный отрицательный, по нашим понятиям, жест у индусов означал не просто одобрение, а — вах-вах-вах! — восхищение. Обслужил — и обратился с молитвой к алтарю, оборудованному за спиной. Там в венке из живых цветов красовался Ганеша с длинным хоботом, тлела лучина из ароматической древесины.

Оказавшись в номере, подумали было, что пахнет недавним ремонтом. Но, оценив степень обшарпанности стен, отказались от этой мысли. Выяснилось (обнаружили, выдвинув ящик тумбочки), что весь номер буквально завален шариками дешевого китайского нафталина. Долго собирали химию, находя ее в самых немыслимых местах, даже в раковине умывальника. Собрали, засунули в несколько полиэтиленовых пакетов, и все равно находиться в номере, в котором не было окна, было невыносимо.

— Здесь все провоняло нафталином, — сказал Михаил, ворочаясь. — Без крепкого пойла не уснуть.

Они прилегли было отдохнуть после ночного перелета, но оказались вынуждены пойти на поиски алкоголя. И тут первое поражение: где находится «вайншоп», никто не знал. Они решили, что винные магазины называются как-то по-другому, и стали спрашивать, где можно купить вино, или ром, или виски, — но этого никто не знал окрест. Они буквально проштопали вдоль и поперек квадрат в два километра своими ногами, как иглами. Устав бродить по солнцепеку, Павел, в кепке с козырьком, и Михаил, повязавший на голову большой белый носовой платок, оказались рядом с повозкой, запряженной зебу с ярко окрашенными огромными рогами. На повозке с ананасами сидел молодой деревенский парень почти черного цвета и глядел на них широко раскрытыми глазами.

— Видимо, в этой дыре европейцев не бывает, — сказал Павел. — Вот ведь занесло. Зри, каковы тротуары. Это ведь сточные канавы, прикрытые плитами.

— Будь спок, — сказал Михаил. — Прорвемся.

^{*} Россия — друг Индии (англ.).

Они купили сочный ананас, утолили им жажду и побрели по пустынной по азиатским меркам улице. Так, не более двух магазинов на каждые десять метров и не более ста человек, раздражавших своей бесполезностью, ибо никто не знал, где можно купить ром, или водку, или виски, или... Хотя что, но с градусами!

— Что за народ? Что за мужики?! — Здесь они были солидарны.

И вдруг наткнулись... Оказалось, что в Индии тоже пьют. Не нашему, но наповал. Только наповал и никак иначе. Тощие индусы, ничего не имеющие на себе, кроме застиранной в холодной воде тряпки, способ обмотки которой напоминал чалму вокруг гузна, покупали чекушки рома, выпивали здесь же, на месте, и укладывались на заплыванную, замусоренную поверхность. Прямо поперек узенького тротуара. Ноги не помещались, их вытягивали на проезжую часть. Тот, кому не хватало места в пределах прилегающего к лавке узкого тротуара, простирался на проезжей части целиком. Его объезжали, громко клаксона, автомобилисты, рикши, через него переступали зебу, но это нисколько не беспокоило лежащих, равно как и полицию.

— Русским спиртное для общения, а индусам для медитации! — воскликнул Павел.

Его поразила эта мысль, говорившая о противоположности культур в одном из основных моментов. Если не в главном. Они с попутчиком живо обсудили этот момент, и Михаил напомнил — Ельцин на вопрос, какие у него отношения с Горбачевым, отвечал: я с ним не пил. И все было ясно. Значит, он ему никто и звать его никак.

Подивившись на валяющихся людей, чьи души не пересекались в безоглядном общении, а гарцевали где-то на отлете каждая сама по себе, друзья не сразу поняли, что это на самом деле не безобразия, а таков индийский порядок. Недеяние уважалось в Индии в любом обличье, даже небезопасном, — осуждалось действие, даже вполне невинного свойства. Это они вскоре почувствовали на собственной шкуре.

Описываемая винная лавка оказалась в десяти шагах от гостиницы, они набрали на нее случайно, возвращаясь в отель после долгого, изнурительного путешествия. Изнуряла не только жара, но и запах сточных вод, текущих в открытых канавах. Они пахли не отдушками, а переработанной жизнью. Видимо, местное население, в отличие от американцев, не пользовалось пахучими средствами гигиены. Тем не менее в отель «Нафталин» возвращаться не хотелось. Но пришлось: не пить же на маленьком грязном пяточке среди медитирующих на асфальте индусов.

Просыпались ночью несколько раз, чтобы проветрить комнату кондиционером, у которого был только один режим: пронизывающий ледяной ветер. Хотя, казалось, им должно было быть фиолетово после ноль седьмой бутылки рома в сорок три оборота. Вот как пробрал нафталин! До нутра, до костного мозга.

У Павла этот запах ассоциировался со смертью. В глубоком детстве, когда кто-то умирал, у мальчишек в маленьком городке было

развлечение: сбегать «посмотреть на покойника». Всегда среди взрослых находилась какая-нибудь добрая тетка, с елейной миной раздававшая «деткам» припасенное «на смерть» печенье, которое полагалось вежливо грызть. Пересушенная гадость, провонявшая нафталином, потому что покойница-бабка, прикупив «на смерть», лет десять прятала его от всех в сундуке с тряпьем! Для малого Паши Локотова происхождение запаха было загадочно, и он решил, что так пахнет смерть.

— Возможно, нафталин и сводил людей в преждевременные могилы, — сказал он Михаилу за распитием рома. — Недавно выяснилось, что это один из сильнейших канцерогенов на планете. Понюхал годик — и каюк.

В его родном городке все пожилые люди жили в нафталиновой атмосфере: берегли свои тряпки от моли.

Наутро, вместо задекларированного завтрака, портье, посоветовавшись с Ганешей, которой, видимо, тоже считал, что «Раша из френд оф Индия», потребовал с них еще пятьсот рупий, сославшись на какой-то «дисконт» по брони. Упомянул брата-полисмена и их вчерашнюю пьянку.

Заплатил Павел. Этот день вообще оказался богат на непредвиденные расходы.

В Колабу, колониальный центр Бомбея, они приехали на такси около двенадцати. Зазывалы на набережной приглашали на остров Элефанта, но Михаил с ходу пресек желание Павла потратить двести рупий на поездку туда-обратно и предложил прогуляться по набережной.

— Что там делать? Какие-то пещеры монашеские. Лично меня они совсем не интересуют, только деньги тратить. Здесь погуляем, посмотрим, выпьем. Мы в Бомбее, Павел!

— А ты уверен, что на набережной пить можно?

— У меня фирменная фляжка, еще с Америки! Там хоть что пей, только не из бутылки. Если у тебя все культурно перелито во фляжку, кому какое дело, что ты пьешь? Думаешь, в этом Джипсиленде более строгие правила? Да это международные нормы! Где Америка, а где эти обезьяны?!

В первый же день он начал называть Индию Джипсилендом, потому что индусы ходили на цыган, и сравнивать с Америкой. Немыслимым образом превосходство США над Индией оборачивалось превосходством Михаила над Павлом.

— Америка далеко, а... — Локотов не успел закончить довод.

— Грязный Джипсиленд! — воскликнул Михаил, высокомерно взирая с чистой набережной на отмель, где пустые пластиковые бутылки бились о каменную отмостку. — Надо же так все загадить!

— В Тихом океане недалеко от Калифорнии плавает целый остров пластика размером с Техас. Ниже Нового Орлеана в Мексиканском

заливе мертвое пятно больше Нидерландов. Питер больше Нового Орлеана, а Финский залив не отравлен, в Неве съедобную рыбу ловят. Уж если кто гадит на весь мир, то именно Америка.

— А плевать они хотели на весь мир. И правильно делают. У них дома чисто? Чисто. А до всяких недоразвитых им дела нет.

— Ты в самом деле так думаешь? Что это правильно? Что пять процентов населения Земли потребляют тридцать процентов мировых ресурсов, а отходы сваливают в общий океан? Это правильно?!

Постепенно Павел начал защищать себя, ругая Америку, хотя понимал, что это навязано ему попутчиком.

— Правильно! Они это заслужили!

— Чем?

— Тем, что сильнее всех, — безапелляционно сказал Михаил, делая серию больших глотков из фляжки.

Они двигались от Ворот Индии в сторону океана по огромной безлюдной набережной. Почти безлюдной. Сзади их догнала семья индусов: мужчина в наглаженных брюках и белой сорочке, женщина в нарядном сари, мальчик лет семи. Мальчик захотел сфотографироваться с иностранцами, мужчина вежливо попросил об этом по-английски и отошел с фотоаппаратом. Мальчик встал между Михаилом и Павлом и неожиданно схватил их за руки. Локотов подержался за маленькую ручонку, а Михаил резко отдернул, достал бактерицидную салфетку и начал протирать свою руку.

— Ты бы хоть не при них, — упрекнул Павел, когда индусы ушли. — Знаешь, как они обиделись?

— А мне похер, — с вызовом сказал Михаил. — Будет всякое цыганье за руку хвататься. Он, может быть, заразный какой. Надо выпить на всякий случай.

И он вновь приложился к блестящей металлической фляжке.

— Накати. Мы в Бомбее, Павел!

Локотов глотнул, отвернувшись к океану, и они пошли дальше. Спустя минуты три Михаил задумчиво произнес, пряча фляжку в рюкзак:

— Что-то мне подозрительно: кому индус звонил? Как раз, когда ты пил...

У Шутина было бродяжье чутье на грядущие неприятности.

— Какой индус?

— Который к нам подходил фотографироваться.

— С семьей? Которые впереди?

Михаил не успел ответить: к ним подкатил полицейский джип. Оттуда вышли два коричневых полисмена, похожих на уборщиков улиц, переодетых полицейскими. Один из них, тучный, как Ганеша без хобота, но говоривший таким голосом, как будто был с хоботом, бесцеремонно полез в карман рюкзака Михаила, вынул фляжку и резким жестом пригласил в машину.

Второй сел за руль, и они поехали. Но не в участок, а за ближайший поворот. Здесь один из полицейских потребовал паспорта и сунул в бардачок.

— Russia is friend of India, — сказал сидевший за рулем и выразительно посмотрел на арестантов в зеркало.

Наступило тягостное молчание. Полисмены чего-то ждали, ничего не объясняя. Павлу показалось, что, кроме этой фразы, они не знают по-английски ни слова. Объяснялись на местном мягком наречии, судя по краткому телефонному разговору одного из полисменов с кем-то.

Минут через пять в окно джипа со стороны Михаила просунулась молодая улыбчивая физиономия.

— Russia is friend of India, — радостно воскликнул паренек, заулыбался и затряс головой.

— Что ему надо? — спросил Павел.

— Ты не понял? «Раша из френд» значит: бабло гони. Во всем мире так.

— В Индии пить спиртное на улицах запрещено, — продолжал радовать симпатичный индус. — Штраф пять тысяч рупий или депортация в течение суток.

Полисмены сидели и смотрели прямо перед собой, как будто происходящее вообще их не касалось.

— Вот тебе и обезьяны, — сказал Павел по-русски. — Видимо, штраф заплатить придется. Я не хочу в тот же день обратно. И не могу. От жены придется скрываться.

— А кто платить будет? — раздраженно спросил Михаил.

— Попролам. Думаю, без протокола им четыре тысячи хватит. Сто долларов то есть.

— Вообще-то они тебя подловили, — уклончиво молвил Шутин, пряча глаза. — Лично я вообще не помню, чтоб пил.

Павел проглотил слюну. Подумал. Полез в карман, достал сто долларовую купюру.

— Enough?*

Переговорщик схватил бумажку так быстро, что она едва не разорвалась надвое, и мигом исчез. Мужчины, изображавшие восковые фигуры индийских полицейских, внезапно оживились. Хлопали дверками, жестикулировали, куда-то звонили. Подъехал таксомотор, полисмены, суетясь, затолкали в него наших путешественников и замахали всеми четырьмя руками, указывая направление.

— Много ты им дал, — констатировал Михаил. — Вишь, как их пробрало.

Павел молчал.

— Ты глянь, как у них все организовано. Сюда нашим надо ездить за опытом.

---

* Достаточно? (англ.)

Павел молчал.

— Вам в Гоа?

— Да, — ответил полицейскому Михаил.

Импровизированная автостанция оказалась на расстоянии всего в сто рупий.

Тронувшись с места, ржавая колыхага некоторое время еще была похожа на пассажирский автобус с людьми. Однако по мере продвижения по улицам Бомбея первоначальный облик безнадежно утрачивался. Раз пять водитель останавливался для того, чтобы загрузиться фруктами. Поражало количество ящиков, которое индусам удалось запихнуть в автобус. В России, пожалуй, столько не увезет и вагон. Оказались забиты все багажники, все проходы, прогнулась железная ржавая крыша, заставленная ящиками сверху. Автобус стал чуть ли не вдвое выше, несмотря на то, что просел до ободов. Парадокс заключался в том, что бананы увозились из двадцатимиллионного мегаполиса для реализации в сельской, по сути, местности — в Гоа.

Собрав все фрукты Бомбея, уже под вечер они выехали из города на автостраду, и здесь Михаил, занявший место у окна, сказал:

— Посмотри налево.

Павел неохотно повернулся в его сторону.

— Ничего себе! — вырвалось у него.

С высоты грейдера открывался опрокидывающий сознание вид. Насколько хватало зрения простиралась серая гофра сморщенных коробок, составленных в два этажа, в которых жили люди. Обезличенное множество людей, спящих по хозяйству. Издалека они напоминали живое шевелящееся кружево вокруг серой массы гофры.

— Выходит, что Бомбей таки отдельно, а трущобы отдельно, — сказал Михаил.

— Да уж! Там хотя бы дома попадают.

— В интернете читал: Бомбей дает сорок процентов бюджета Индии. Метро нет, очистных сооружений нет. Это как?

— Не знаю, — устало сказал Павел, незаметно засыпая.

Проснулся в темноте. Ящики из нутра железяки успели где-то выгрузить вместе с большинством пассажиров. Локотов занял освободившееся место у окна и огляделся в сумрачном пространстве салона. У другого окна дремал Михаил. Индусы, человек пять, разлеглись кто где. Сзади сидели две молодые американки и непрерывно жевали, разрывая пакетики с сухой снедью. Пакеты бесцеремонно выбрасывались в проход — от себя подальше, на спящих в проходе индусов. Павел подивился аппетиту дам: в проходе уже не оставалось места, свободного от цветных оболочек чипсытины. Подступила тошнота. «Фастфуд их съест», — подумалось глобально.

Вуменсы казались беременными на последних месяцах. Куда они прутся, будучи на сносях? Локотов выглянул в окно и тут же отпрянул:

автобус мчался, вихляя и дребезжа, по серпантину над бездной! На резких поворотах их железяку заносило настолько опасно, что все мысли и чувства приказали долго жить. Осталось одно желание — уцелеть каким-нибудь чудом, и Павел, как безумный, вцепился в серый поручень, отпороженный по ржавчине руками таких же бедолаг, как он.

Сознание включилось в какое-то инобытие. Образы двоились. Он взглянул на своего попутчика, как из трансцендентного далека. В душе зияла пустота, а в ней пучилась злость. Злость не колючая, как боль, а тучеобразная, как тошнота. «Душевная пустота не есть вакуум, — мелькнула мысль. — Она — черная дыра, алчно всасывающая в себя все лучшие помыслы и чувства и перерабатывающая их во зло. Поэтому часто самые добрые оборачиваются самыми злыми. Опустевший человек — дом Сатаны».

Совокупным усилием воли и страха Павел заставил себя не смотреть в бездну и не думать о ней. Он сосредоточил взгляд на Михаиле и стал вспоминать все, что про него знал, в основном с его же слов.

Павел Локотов гордился приятелем, и его биографию не раз использовал в качестве самого мощного аргумента в спорах за оптимизм:

— Это правда! Правда! Честные менты бывают! Не все одинаковы! Например, мой друг — честный мент! Он отказался людей сажать ни за что, предпочел службу потерять.

Никто ни разу не верил, но он обосновывал до хрипоты, что не надо быть кончеными циниками, если на свете даже честные менты бывают, одного он знает точно.

Михаил Шутин после Саратовского юридического, куда поступил после службы в армии, удачно распределился в «почтовый ящик» на Урале: у города имелся только номер. Следователем. Пятнадцать лет непорочной службы, майорские погоны, должность начальника следственного отдела. Спецснабжение, красивая жена, никаких проблем. Более того: удвоенное жалованье — поясные плюс секретка — было куда девать, что даже внушало мысль о несовершенстве прекрасной системы, в которой он так хорошо устроился. В магазинах все что душевнее угодно, причем за сущие копейки. Сырокопченая колбаса по три рубля, мандарины по рублю, икра по пять. Привилегированная по советским меркам жизнь. И вдруг все рухнуло. «Ящики» отменили, все закрытое рассупонили и бросили на произвол судьбы. Лучшие в мире секретные специалисты рассыпались по миру со всеми секретами, их брали. Ментов не брали. Спецмилицию ликвидировали, не объяснив, что дальше. Устраивайтесь как хотите. А как, если сокращение идет по стране валом? Если ничего делать не умеешь?

Память подсказала забытую было фамилию студенческого друга, который хуже учился и распределился хуже. Опером в заштатную дыру в обобранном «империей наоборот» Нечерноземье. Жевников, вечный недотепа и в институте, и когда ходили по девкам. Для которого Шутин

был живым носителем недостижимого идеала. Чем-то вроде Элвиса Пресли для юноши, помешанного на роке. Предмет его, Михаила, злых ювенильных шуток.

Эта серая личность стала начальником управления внутренних дел целого региона! И она ответила сочувственным письмом.

Главная проблема, писал Жевников, жилье. Обменять, разумеется, не получится. Могу дать общагу, но дальше — никаких перспектив, если работать в управлении. Вот если пойдешь простым следяком или участковым... Строгий приказ: квартиры выделять только тем, кто работает на земле.

Так Шутин опустился на землю из розовой небывальщины закрытого привилегированного мирка. Содержимого двух толстых сберкнижек хватило на плацкартные билеты для майора с двумя детьми и увядающей красавицей-женой.

Жевников сдержал обещание: выделил трехкомнатную секцию в спальном мешке областного центра, а во время новоселья отвел на кухню для разговора по душам и сказал, чокаясь:

— Понимаешь, если ты со своими проблемами пойдешь напрямик ко мне, это могут неверно истолковать. Рассуди: простые следяки через головы к начальнику управления, без пяти минут генералу, не обращаются. Соображай. Могут и подставить. Крутись сам. Опыт у тебя есть. А я тебя в кадровом резерве держать буду.

И перестал звонить. После новоселья — как отрезал бритвой.

На работе, буквально в первый день, Шутин расписался за папки с двадцатью пятью висяками. У сидельцев СИЗО дела были просто плевые: кто мешок картошки сволок, кто шапку сорвал на улице, кто вредному соседу дал по зубам. Один сидел за то, что отобрал у бомжа свой собственный телевизор. Ехал на дачу и уже издали увидел, что окно разбито. Разволновался. Вдруг видит: тащится по улице какой-то бродяга и несет на засаленном ватном пузе телевизор. Его телевизор! Вышел из машины, отнял. Воришка просил не заявлять, поучить полюдски. Опухшую рожу подставлял. Мужик от доброго сердца слгонца дал по физиономии и отпустил. Наутро его выкогтили теплого из дачного запечья и подвергли грубому допросу. Бомж базлал о законах и тряс медицинским актом о побоях. Служители закона ему верили, потому что бомж был милицейским стукачом и подставой. Дачнику не верили, потому что он всю жизнь честно работал и поэтому кое-что имел, тогда как с бомжа брать было нечего. Большинство законопослушных граждан откупались от верной тюряги, зачастую продавая дачи и машины. Но этот мужик оказался честным упертым дураком и поэтому маялся уже больше года в СИЗО.

Служебное задание заключалось в следующем. Шутин должен был разгружать переполненные камеры, в которых множество народу изнывало без предъявления обвинения. Хотя бы тех, кто парился уже больше года, не зная за что. Некоторые отбабахали по четыре, по пять лет.

Преступников было столько, что следователей катастрофически не хватало, равно как мест в следственных изоляторах.

Михаил должен был вызывать подследственных, добиваться признания ровно на тот срок, что человек уже отсидел, оформлять дело в суд, где, наскоро сварганив приговор, освобождали в зале. И точка.

Но точка рисовалась только на бумаге. Мужики бубнили:

— За что, начальник?!

И не хотели подписывать сфабрикованные дела. На срокá больше года картошка и мелкая хулиганка уже не катили. Надо было заставить взять на себя нераскрытые дела средней тяжести, вплоть до убийства по неосторожности. Не все подследственные козлы понимали, что это для них же, благодеяние со стороны власти предержажщей. Непонятливых надлежало вразумлять по почкам, не оставляя следов. Рутинная работа разгружающего завалы обычного следака-трудяги. Но ведь не из спецмилиции! Шутин привык к чистой бумажной работе, а тут вонь, пот, кровь, слезы, ругань... Аврал нескончаемый. Его душа страдала, как может страдать прекрасная душа, переведенная из рая в ад. Оказывается, там она была временно, по недоразумению или авансом, который не оправдала. И он не понимал: за что? И другу, почти генералу, не пожалуешься. На что? В других кабинетах занимались тем же самым. Ничего необычного, дискриминирующего, ему не предлагали. Все по понятиям, как положено в честной российской милиции. Более того, эта работа считалась хорошей, потому что за каждое закрытое таким образом дело полагалась палка в личку, как за раскрытое преступление. Сотрудники путались в глаголах с корневой основой «крыть»: закрытое означало раскрытое. А палка — это основной моральный капитал каждого уважающего себя правоохранителя. Именно за них присваивались звания и давались чины, а на груди вешались медали.

Однажды во время утреннего совещания начальник райотдела спросил:

— Почему Шутин отмалчивается? Сколько раскрыто дел за последнюю неделю? То есть закрыто?

— Бэ-э-э...

— Что?!

— Бэ-э-э... — повторил Шутин и полез под стол.

Его извлекли и оттранспортировали в психбольницу, где работала врачом Шутина Наталья Акакиевна. По психическому заболеванию Михаила и комиссовали спустя месяц после выписки.

Еще месяц Михаил расхаживал по благоприобретенной квартире, оправляясь от нервной симуляции и раздумывая, куда податься. Выходило, что в России ему податься некуда. Тогда он оформил в паспорт синюю наклейку и поехал в Германию, где устроился грузчиком. В Мюнхене, в продуктовом магазине. К русским тогда еще относились на Западе сочувственно, в каждом видели жертву режима. Работа не изнуряла, это не советские ящики и мешки по пятьдесят килограмм, а мука

так все восемьдесят, которых он натаскался, будучи студентом. Коробочки, детский вес! Михаил взялся за английский.

Примерно полгода спустя, накопив марок на билет, рванул в Майами, где по пляжам разгуливали, делано равнодушно рыща взглядами, молодые тонконогие красавицы и стройные мускулистые красавцы. У последних шансов было несравнимо больше, на них клевали тридцать три пола, тогда как на красавиц только один, крайне редкий в цивилизованном мире, но Михаилу в его вполне почтенном возрасте и с фигурой скорее жилистой, чем мускулистой, рассчитывать на поклевку не приходилось. Да еще и тонзура вызвездилась сверху. Лет двадцать назад он бы здесь развернулся. Было времечко — друзья, студенты-юристы, не зря прозвали его «блесна». Не урод был да еще и балагур. Девчат клеил прямо на остановках. А там — компанией в дешевый ресторанчик. Пьем только за «дам», за «не дам» не пьем. И редко когда не было кайфа на всю ночь. И — кайф вдвойне — наутро обсудить вчерашнее за пивасиком. Достоинства и недостатки всех дам в пикантных подробностях обхохотать.

Дня два он бродил по Майами-бич, присматриваясь, а ночевать устраивался в дальних уголках пляжа. Однажды проснулся от толчка ног. Обернулся — и в призрачном предрассвете увидел негра, который бесцеремонно пристроился рядом, пока Михаил спал. Проверил свои деньги и документы. Стало быть, не грабитель. А кто? Откуда, куда, зачем?

Проснувшись, негр оказался гаитянским мулатом. Спикал еще неуверенней, чем Михаил, потому и прилачился к белому бродяге. Бедный мулатик с удивлением узнал, что далеко не все белые говорят на английском как на родном. О России он никогда не слышал, как, впрочем, обо всех других странах, кроме США и Гаити. Был уверен, что мир ограничивается этим несправедливо устроенным дуплексом.

Даниэль чкался по Майами уже несколько недель и знал, где можно срубить баксов. Они стали ходить на заработки вместе, на автомобильное кладбище. Вместе разбирали машины и сдавали металлолом, вместе ночевали, где придется. Приближалась зима, дожди обрушивались все чаще и чаще, поэтому они купили одну машину на двоих. Старую, ржавую, но на ходу и без протектов. Взяли прямо с кладбища за гроши. В ней вполне комфортно можно было ночевать вдвоем даже в сильную непогоду.

Далее в рассказе Михаила зиял пробел. Павел не понял, как так получилось, что Шутин на этой машине один уехал в Нью-Йорк. Но он уехал. И там почти сразу снял всего за сто пятьдесят долларов в месяц вполне приличную комнату на Брайтон-Бич. Одинокая хозяйка лет семидесяти, с преогромным силиконовым бюстом, туго обтянутым почерневшей, в старческую крапинку, кожей, не отказала Михаилу в том, чего ему уже давно не хватало. Готтентотский передник причинного места, шарпеева обвислость ягодиц — и высокий тугой холодный бюст. Секс

за гранью извращения. Невыразимо сексуальная старушка, в России таких, ныне заполонивших эстраду, тогда еще не было.

Поделившись телесными прелестями, хозяйка столь же охотно поделилась и житейской премудростью, дав множество полезных советов. Среди них была подсказка насчет заработка: биржа.

Сюда приезжали работодатели и те, кто тщился продать свою рабочую силу. Допустим: надо пять человек по десять долларов в час. Оплачивалась каждая минута, чистое рабочее время, перекуры не в счет. Если кто филонил, отзывали пальцем, молча рассчитывали и отвозили обратно на биржу, а взамен привозили нового. Михаилу очень понравился такой порядок. Понравилась Америка. У него появилось свободное время и свободные доллары в карманах. Он дважды слетал домой, каждый раз привозя по десять тысяч долларов — огромные деньги для России девяностых. Негативным следствием стал развод с Натальей, о чем Шутин не горевал. Почему-то стало так: хоть с кем, только не с женой. Особенно после того, как появился Шрам. Именно так, с большой буквы. Наталью Акакиевну ночью подпер камень, скорая припозднилась, желчный пузырь взорвался. Его удалили, почти не глядя, брюшину зашивали будто у трупа, в один шов. Но она задышала по дороге в морг. Сейчас она проживала соломенной вдовой при живом муже, возвратившемся из Америки, в одной квартире с ним, но в разводе.

Если бы Америка не ужесточила иммиграционную политику, Михаил остался бы там навсегда. Или если бы хозяйка-еврейка согласилась выйти замуж за гоя на тридцать с гаком лет моложе. Но она оказалась эгоисткой, шарпей с грудями. Ностальгия по Америке осталась на всю жизнь.

...Кроваво-красной полосой над черным горизонтом обозначился рассвет, когда автобус прибыл в конечный пункт — Маргаон. На земле две американские девахи оказались не беременными отнюдь. Судя по тому, как деловито они поправляли, пихая кулачками, свои пузени, там, под спудом, таились поясные сумки с деньгами. Убедившись, что все тип-топ, вуменсы бодро попрыгали в тук-тук и умчались. Наши герои присели на лавку, не зная, что делать. Водитель выметал на индийскую остановку американский мусор.

Подъехал еще один тук-тук, и драйвер спросил:

— Кольва? Бенаулем?

— Бенаулем, — сказал Михаил. — Палолем тут, видимо, не подают. Сколько?

— Сто рупий.

— Поехали.

Таким образом, они оказались в Бенаулеме, где оба сгорели в первый же день, хотя вообще не лежали на пляже. От удовольствия потеряли осторожность, хватило пяти раздеваний для захода в воду. Потянулись томительные семь дней, когда они выходили из пляжной хижины, только чтобы поесть да окунуться на рассвете до восхода жестокого

гоанского солнца. Когда солнце садилось, в кромешной темноте, дискомфортно разрезаемой фарами встречных автомобилей, ходили за полкилометра в поселок прикупить фруктов и яиц, которые варили на завтрак кипятивником. И, конечно, рома. Здесь, в Гоа, он стоил в пересчете на рубли шестьдесят за литр. Выпались и переговорили за всю жизнь. Павел, в частности, много рассказывал про Ванькова.

В свою очередь сам интересовался боевым прошлым Михаила. Как он бандитов и шпионов ловил? Он жаждал рассказов в духе Агаты Кристи, которой зачитывался в юности: привлекал тонкий житейский юмор и позитивное мировосприятие, которое на таком материале обладало особой ценностью. Если бытие трагично, зачем еще и быт воспринимать как сплошную трагедию? Немелочность мелких добрых дел: то, чего русским, строителям великих строек, не хватает.

— Насчет шпионов не знаю, — отвечал Шутин, — ими КГБ занималось. А у нас в основном были административные правонарушения. Народ-то весь отсеянный. Впрочем, один раз я палку за уголовное раскрытие заработал. Двух гомосеков молодых посадил, на которых наступал комендант общежития.

— За что?

— Целовались. Представляешь?

За плетеными стенами бунгало послышались громкие голоса и музыка — оживленная и в то же время однообразная, с множеством высоких нот, типичная индийская.

Михаил выглянул в окно:

— Обрати внимание: местная молодежь западные шлягеры не слушает. Свою слушают муть.

— Это еще неизвестно, что есть муть. И фильмы смотрят свои, а не голливудские. И в крикет играют. Всё по-своему. Молодцы. Нам бы пример брать.

Они вышли и встали в тени козырька хижины. Прямо за плетеным забором их кемпинга молодежь Бенаулема решила отпраздновать чей-то birthday* на свежем воздухе под пальмами. Неудивительно, что не на пляже: наши друзья еще не видели купающихся индусов. Парни — все, как на подбор, черные и худые — достали ракетки и занялись суматошным времяпрепровождением с воланчиком. Девушки, все невысокие и миловидные, деловито расстелили два покрывала на расстоянии примерно двадцати метров одно от другого, разложили на них фрукты, расставили кока-колу и позвали бесившихся вокруг воланчика парней.

— Вот здоровые лбы, — сказал Михаил, — им бы девок разобрать да щупать по кустам, а они в воланчик, как пацанчики в панамках...

— Нравится мне, как индийские женщины одеваются, — перебил Павел. — Многоцветно, но не пестро. Шальвары эти, кафтанчики легкие...

* День рождения (англ.).

— Так только девушки одеваются, а женщины в сари.

— Сари тоже хорошо. Там ноги видны, и живот, и плечо. В Индии женщины лучше одеваются, чем у нас. Дешево и красиво. И, главное, свое носят, традиционное. Хлопок. Ткани какие — глаза радуются! Обрати внимание: синтетической косметикой не пользуются. Живые цветы к волосам прикрепляют. Ну, разве не здорово? И красиво, и пахнут хорошо.

— Цыганье цветному радо. Вот на Бродвее цыпочки гуляют! Модели! Сплошной кутюр с обложек журналов. А это что? Джипсытина, одно слово.

— Слушай, я тебя умоляю... Ты свое мнение об Индии высказал, я его услышал. Давай не будем без конца негатив... Хотя бы ради того, чтобы отдохнуть в позитиве.

— Это не негатив, а правда: грязный Джипсиленд. Вот в Америке...

— Странно ты об Америке отзываешься.

— В смысле?

— Мечтательно слишком. Кто там бывал, обычно более взвешенные оценки дают.

— Ты что, хочешь сказать, что я лажу гоню?! Фильтруй базар, кореш. Сыном клянусь — три раза в Америку летал. А ты кто такой вообще? Да я!.. Да не жить мне...

Павел возвратился в хижину. Спорить было бесполезно, Шутин всегда оставлял последнее слово за собой.

Минут через пятнадцать вошел Михаил.

— И что ты думаешь, чем они занялись?

— Неужели открытым сексом, как океанийцы на глазах у европейцев?

— Наоборот! Мужики пьют кока-колу и жуют бананы отдельно, а девчата отдельно. Время от времени от одной поляны кто-то бежит к другой, передает, кто что сказал. И тут же бегом обратно. Во вечеринка!

— Видимо, у них женщины и мужчины даже кока-колу совместно распивать не могут. Вот это нравы. И что, даже пива не пригубили?

— Нет! В том-то и дело, что нет! — Михаил расхохотался. — День рождения, твою мать!

— Не могу: пойду посмотрю, чем все кончится.

Павел вышел и встал в тени как можно незаметней. Молодые люди, не обращая на него внимания, продолжали веселиться так, как описал Михаил. Выпив кока-колу, съев фрукты, они так же весело собрали покрывала и пластиковые бутылки, которые в Индии являются возвратной тарой, и отправились восвояси, пританцовывая под громкую музыку. О празднике напоминала только кожура бананов, которой тут же занялись мелкие бродячие коровы.

— Почему-то мне кажется, что девушки в Индии выходят замуж девственницами? А? Как ты думаешь, такое еще возможно? — спросил Павел.

— Черт их поймет. Чужая страна — потемки. А хотя бы и так, тогда что?

— Это важно. Перед войной абвер изучал СССР со всех сторон, а потом Канарис сказал Гитлеру: в России девяносто процентов невест выходят замуж девами. Нам не победить такую страну.

— Ерунда какая-то. При чем здесь девственность?..

— А при том. Например, есть критерии здоровья экономики. Сальдо торгового баланса, допустим. А сальдо девственности — главный показатель боевого духа. Процент боевого духа равен проценту девиц, выходящих замуж девами. И все. Любую страну можно заранее просчитать на калькуляторе. Смеешься?

— Это у тебя томление духа. Танки, самолеты — и девственность. Как это вообще можно сравнивать? Чушь. Реалистом надо быть. А ты фантазируешь на пустом месте. Не зря тебя жена Палоломом обзывает. Фантазер беспочвенный.

— Может, и чушь. Только Канарис оказался прав, хотя танков и самолетов у Гитлера было больше. А реализм в том, что за шалаву никто собой жертвовать не станет, а за честную жену мужик грудью под пули встанет. Потому что невыносимо думать, что ее чужой насильничает. Он за детей уверен, что родные, а не заезжего молодца. И за них на танки пойдет.

— Ха! Я думал, что ты ботан, романтик, а ты циник тот еще. — Шутин округлил и вытянул губы в беззлобном кураже. — Романтический циник!

— Слушай, — переключил Павел тему, — что за компания брадатых мужиков в тюрбанах в нашем кемпинге вчера поселилась? Какие-то они... Не то индусы, не то... Светлые для местного населения и упитанные. И, главное, пьют сообща. Пьют и пьют. Непривычно как-то.

— Ага! Орут как конкретные пацаны. А вид, надо сказать, зверский. Я к их бунгало подходил, хотел познакомиться, да передумал. Поддатые, еще удумают что. Бенгали сказал, что это сикхи. Он не успевает им ром подтаскивать. Ящиками. Коробками то есть.

— Во дают! Это ж помереть можно! А еще говорят, будто русские самые пьяницы на свете!.. Оказывается, сикхи.

— Так они ж одну неделю в году пьют! Каждый год, и не только они. Индусы приезжают в Гоа с севера, неделю пьют, не просыхая, и убывают. На море не ходят, некогда, побольше выпить спешат. Потому что в других штатах спиртное труднодоступно. И дороже намного. И пить считается позором. А здесь и приличный индус может упиться вусмерть. Вот они и практикуют гоанский пьяный марафон. Мы в Бомбее ром за триста рупий покупали, а здесь за девяносто берем. Соображаешь? У них в каждом штате свои законы, даже таможни есть.

— Бенгали сказал?

Михаил продолжал общаться с Бенгали, тогда как Павел только здоровался по утрам, когда молодой человек приходил за рентом.

Триста рупий каждый день вперед, потому что Раша из френд оф Индия. В основном Павел общался с Женей, пермяком из Москвы, с которым познакомился — впрочем, как и Михаил, — в первый же день, когда они, идя по берегу, набрали на этот кемпинг для диких туристов.

Был уже полдень, они уже погорели и жаждали упасть в надежную тень. Навстречу им из крайней хижины вышел крайне худой, длинноносый, ярко выраженный европеоид, похожий на портрет короля Жанны д'Арк — Карла Седьмого, загорелого до черноты.

— Sir, tell me please, where is reception? — спросил Павел, опустив, как всегда, надоедливый артикль.

— Повторите по-русски, — прозвучал ответ.

Европеоид бесцеремонно вытолкал из послеполуденного отдыха фавна с лицом, говорившим о детском недоедании, — кожи было больше, чем мяса, — который оказался двуногим ресепшеном по имени Бенгали. Его ноги росли прямо от чрезмерно вытянутой для молодого человека шеи, как у модели.

Женя ездил по Индии в одиночку и при этом не знал ни одного слова по-английски. В прошлом он был продюсером московской поп-группы, а до того — безработным в Перми. Он ничего не ел, кроме кармической пищи — меда, — уже второй месяц.

— Вы себе не представляете, какой я был упитанный, когда продюсировал. Пил — мама не горюй. Но однажды понял, что это не мой путь. Я должен быть Учителем для всех, кто бедствует в сансаре. Сейчас вживаюсь в свою новую карму, — охотно раскрывал душу будущий московский гуру.

В течение последующих дней выяснилось, почему Женя решил «сменить карму»: его группа занималась тем, что на провинциальных корпоративах дешево имитировала известные бренды, но в последнее время их все чаще ловили. На откупные ушел весь Женин золотой запас, и теперь он бедствовал, как в юности в Перми. Это был его новый проект, к которому Женя относился серьезно: честно голодал на меду.

Из Гоа похудевший продюсер собирался ехать к Саи Бабе за благословением, а оттуда — в ашрам Аммы в Керале. И отчасти указал направление дальнейшего движения также и новым знакомым. Особенно соблазнил книжным описанием ашрама в Керале, расположенного на воде. Путтапарти, резиденция Саи Бабы, их не манила: не слишком-то хотелось удаляться от океана в индоостанскую континентальную полуостров.

Но это было позже, а пока они сидели в Бенаулеме, прячась от индийского солнца, общались по душам.

— Кстати, тебе в ресторане проститутку не предлагали? От одной до двух тысяч рупий, — спросил Михаил, перескакивая с темы сикхов.

— Двадцать пять долларов? Не может быть!

* Сэр, скажите, пожалуйста, где ресепшен? (искаж. англ.)

— Официант просил тебе тоже передать оферту эту. — Как-то так получилось, что обедать они стали порознь, уже несколько дней. — Похоже, хоть штат и туристический, полиция гоняет за это дело. Официальных публичных домов нет.

— В таком случае — где?

— Скорее всего, прямо в ресторане.

— На глазах у всех?

— В подсобке.

— В какой? Что-то я не видел. Ресторан весь — только крыша.

Да кухня отгорожена циновками. Что-то я не видел подсобки никакой.

— Значит, на кухне на пол циновку кинут. За корзинами какими-нибудь. Джиписленд. Что означает: будь проще, и люди к тебе потянутся. Вон ко мне потянулись, а к тебе нет.

Следующий день Павел впервые провел — почти весь — на пляже и обедать пошел поздно. Бросив мокрое полотенце на спинку стула, огляделся. В зале не было больше никого, кроме официанта с улыбкой во всю дурь, который предупредительно принял заказ. И надолго исчез. Организм Локотова выделял желудочный сок минут двадцать, что было странно — обычно чай приносили почти сразу, у индусов принято перед обедом пить горячий сладкий чай на молоке, русские пили его после обеда, чем удивляли индусов, — но Павел, вместо того чтобы злиться, продолжал источать кошачью благостность. «Хорошо сижу!» — жмурился он, озирая спокойное море в солнечных блестках на легкой ряби, стройные ряды пальм, чистый белый песок.

Официант нарисовался так же неожиданно, как исчез, но к Павлу не подошел. Он странно подмигивал из-за стойки и тыкал коричневым пальцем вправо. Там, за рестораном, Павел увидел женщину лет сорока, похожую на Бабу-ягу из мультика про домовенка. Худоба и чернота в ней сочетались таким образом, что женщина казалась не от природы черной, а отощавшей до черноты. Будучи затянута с головы до ног в плотные парчовые одежды золотого с красным цвета, она терпеливо прела на самом солнце, сверкая глазами белками. На голову была надета шапочка, с которой свисали брюлики, на ноги — остроносые чуквы. На теле женщины, сидевшей на песке, широко расставив тощие колени, позванивали бесчисленные низки бус, ножные и ручные колокольца, ибо она не бездействовала. Тетка энергично делала призывные жесты, недвусмысленно указывая на причинное место в штанах. Это выглядело ужасно смешно — именно так: смешно и ужасно.

Павел перевел взгляд на молодого наглеца за стойкой, который рисовал круглую цифру в воздухе и зазывно тыкал в темное пространство кухни. Он весь был нервное движение.

Дошло.

Вспомнились соблазнительные плечики индийских женщин в сари, особенно когда не худышки; неприкрытые животики, особенно когда худышки. Смуглые открытые икры. Выходило, что приличные индийские

женщины имеют право демонстрировать свои прелести окружающим, а падшие — нет. Мораль такова, что грешная плоть непременно должна быть прикрыта полностью, вплоть до лодыжки и включая ее: шальвары проститутки были заправлены в чуваки. Включая шею и подбородок — тетка на песке была затянута вплоть до иссохших губ. Поистине, все наоборот на этом субконтиненте. Даже кокетничают здесь мужчины, а не женщины. Без всякой эротики: кокетство, связанное с желанием понравиться, в крови у индийцев. Женщины проходят мимо, опустив очи долу, а мужчины строят глазки.

Павел молча покинул ресторан. Не было никакого желания покупать старуху в пластиковой парче, использовать ее на полу за корзинами с очистками, в которых копошатся крысы. Следовало подготовиться к отъезду. У них уже были билеты на вечерний поезд из Маргаона. До отъезда оставалось четыре часа, потом три, потом полтора... Локотов собрал свои вещи и прилег в ожидании попутчика. Михаил где-то задерживался. Павел начал волноваться. Встал, покидал, как мог, не свое барахло в рюк, — похоже, предстояла спешная эвакуация. Павел не сводил глаз со стрелки часов. Оставался час, а до станции на тук-туке минут сорок. Павел вышел, решившись спросить у Бенгали, не видел ли он Майкла. Хижина бенгальца оказалась закрыта изнутри.

— Бенгали! — позвал Локотов.

Вышел Шутин.

Павел вспомнил, как в самый первый вечер в Бенаулеме молодой бенгалец, будучи приглашен Михаилом в их хижину выпить рома, после первой же порции предложил:

— Давайте я вам буду делать лав, а вы мне квартиру купите в Бенаулеме. Я хороший, а квартиры недорогие.

После первой же порции грамм в пятьдесят! С тех пор его расценки, видимо, сильно упали. Павел усмехнулся. Индия! Здесь ценыкратно падают от каждого слова. И даже от молчания.

Столько побирушек, как за неделю в благополучном Гоа, он не встречал в течение всей жизни. На пляже, не успев обтереться полотенцем, человек оказывался окружен торговцами ненужным барахлом, как блудный немец партизанами в лесу. Они неотступно требовали за свой товар вначале тысячи рупий, потом сотни, потом десятки, а потом просто протягивали руки лодочкой, прося подаяния по-детски. Не успеешь отбиться от одного нашествия, как оказываешься в плену у других попрошаек. Только в море можно было морально отдохнуть. Моря индусы боялись. Заходили в одежде, по коленки, не более. Однажды Локотов наблюдал сцену: молодые парни входили в воду гуськом, взявшись крепко за руки. Когда передний вошел, осторожно ступая, по пояс, — а задние наблюдали с ужасом и восхищением, — его обдала волна. Смельчак с визгом бросился назад, шеренга рассыпалась, вся братва пришла в смятение и бежала от моря, как от Москвы Наполеон.

Павел, наблюдавший эту драму из воды, едва выплыл на берег, захлебываясь смехом.

К великому его удивлению, когда они пропутешествовали по Индии более месяца, нашелся штат, где попрошайек почти не было: Керала.

В Керале они долго ехали на юг вдоль побережья, и все было как один сплошной город. Названия менялись, но перерывов между домами не замечалось. За три часа они протолкались на автобусе сквозь добрый десяток митингов и демонстраций. В глазах рябило от красных знамен, портретов Ленина и Че Гевары. На заборах молодежь изображала не матерные слова, а серп и молот. Они как будто попали в СССР пятидесятых. Именно тогда в Керале на свободных выборах победили коммунисты, которые и удерживали власть до сих пор, подбадривая избирателей митингами. Даже не любящие коммунистов составители рейтингов из США отдавали Керале пальму первенства, именуя «самым культурным штатом Индии».

— Самый культурный штат, — повторил Локотов фразу из интернета. — И самый отдаленный от трех индийских столиц: Дели, Бомбея и Калькутты. Это все равно что Чукотка — самый культурный регион России. Чудно!

Керала настолько впечатлила, что он говорил о ней почти непрерывно. Но чем больше восхищался он, тем больше брюзжал Шутин.

— Это арабы здешних туземцев жить научили, вот и все!

Он категорически не хотел признавать за индусами права на культуру и самосовершенствование. Тем более если замешаны коммунисты. Павел удивлялся агрессивности русского антикоммунизма, сопряженного с вечной тягой к обобществлению. На дне — общак, в середине колхоз, а как только духовного жирка нагуляют, сразу начинают толковать о соборности. Нет чтобы просто жить каждый сам для себя, делая маленькие добрые дела для других, когда есть чем поделиться, без всяких подвигов. Малюсенькие дела, которые не требуют никаких жертв и которые, в общем, стоят больше «великих свершений». Улыбаться, например, друг другу. Почему везде незнакомые люди друг другу улыбаются, а в России — нет? В Индии, например. Живут бедней, а улыбаются. Столько улыбок, как за месяц здесь, на родине он за всю жизнь не видел.

— Обрати внимание: как много справных людей на улицах! — сказал Павел, уходя от грустных размышлений. — Похоже, народ в Керале не бедствует! Изможденных нет вообще. Да и мусора почти не видно, как в других штатах.

Деревня Валликау, родина Аммы, находилась в пригороде Карнополи. Их поселили в чистом благоустроенном номере на пятнадцатом этаже. Павел и не предполагал, какой размах приобрело в Индии ашрамоительство. Заранее он представлял себе поляну с хижинами, гуру под пальмой, беседующего с учениками. Хижины оказались

двадцатиэтажными и стояли рядами, а гуру не было вовсе. Амма, имевшая ашрамы по всей стране и за ее пределами, путешествовала по миру, от одного филиала к другому, приглядывая за немалым хозяйством. С огромного портрета в зале для даршанов, совместных медитаций, весело смотрела упитанная, уверенная в себе бизнес-леди лет сорока. Никто и не помнил, когда она была в Валликау в последний раз. Но раз в год навевается, говорили старожилы, исполнявшие севу.

Наутро Павел проснулся с птицами и вышел на балкон. Боже, это Рай! Густой пальмовый лес тянул на себя эпитет «девственный» и казался сверху инопланетным в своей нетронутой красоте. Восходящее солнце, огромное, ярко-красное, дышало на него теплом, слегка прикрывшись дымкой. Ашрам располагался на узкой косе между морем и устьем реки; и море, и река будто замерли. Какие-то яркие птицы сновали в листве, перелетали с берега на берег. Среди них были синие зимородки.

Вечером, от нечего делать, друзья пошли в молитвенный зал, где перед портретом Аммы горел огонь и жрец читал нараспев под синтетическую музыку, время от времени складывая руки лодочкой и поклоняясь портрету; все действие было технологично, скучно, выхолощено. Огромный зал был почти пуст, среди тысяч стульев они увидели несколько занятых в левом заднем углу, решили присоединиться — и оказались рядом с Женей, который обретался в ашраме уже недели две.

— Привет! Вы в каком номере? — спросил бывший продюсер. Одет он был уже как настоящий гуру: в белый балахон.

Михаил ответил.

— Я к вам зайду, — сказал Женя. — А сейчас пойду. Не могу. Энергетика сильно лупит: вот сюда!..

Он похлопал по бритому затылку и добавил:

— Ведь у меня третий глаз открылся. Он еще очень нежный, поэтому сильное энергетическое воздействие для него опасно пока. Пока пока...

— Мошенник! — сказал Михаил, когда Женя удалился. — Посадить бы его... В одну камеру с Аммой.

— Сажательный рефлекс проснулся? Амма тебе чем не угодила? Живешь за сто пятьдесят рупий в раю. Спасибо скажи.

— Ха! А ты знаешь, сколько она огребает? С такой армией бесплатной рабсилы? Известно ведь: верой торговать — самый прибыльный бизнес на свете. Мы в Гоа платили столько же с носа. Так там хозяин должен обслугу держать, а здесь все на себе держится.

О севе они и расспросили Женю, когда он зашел в их номер перед сном. Согласно памятке, выданной на ресепшене, на третий день предписывалось явиться к столу распределения севы и выбрать послушание. Иначе ни о какой благодати не может быть и речи. Уклонение от севы духовной смерти подобно. В случае неявки придется исполнять севу по требованию руководства без выбора, куда назначат.

— Я от севы дней пять скрывался, — сообщил Женя охотно. — Но потом отловили. Лопату в руки совать начали, мол, копай под цветник. А я что, с верблюда упал? Лопату перевернул и давай тыкать. А я не знаю, что это такое и к чему предназначено. В России лопат нет.

— Правда, что ли?

— Правда, — чистосердечно молвил будущий гуру. — Я ни разу не видел.

— И поверили?! — спросил Павел.

— А то! Они ж как дети.

— Кто?

— Америкосы эти, что здесь живут и на севу ходят. На перерождение очки зарабатывают. Серьезно так, честно, как будто налоги платят. Метут, огород окучивают... А русские не работают. Мы на пляж ездим. Вы знаете, где пляж? Завтра покажу. Правда, там деревенские индусы какают, но можно найти место между какашек...

Назавтра они уехали. Проезжая на автобусе вытянутую вдоль косы деревню, Шутин и Локотов грустно смотрели, — видимо, Амма не слишком заботилась о своих сельских земляках, — на согбенные, с неровными стенами и рваными соломенными крышами дома, выходящие на дорогу, как брейгелевские слепые. Просвечивающий за домами берег являлся — что для Индии типично — местом отхожим. Туалетами, связанными из циновок, пользовались только женщины, а мужчины без стеснения присаживались на берегу и подмывались волной. Подобную картину они наблюдали и в Аллапудже, и в других местах. Использовать пляж как отхожее место было формально запрещено только в туристических центрах. Власти действовали убеждением, но, если индус приседал на песок, его не гнали, ибо отправление естественной потребности к деянию не приравнивалось. Некоторые делали это демонстративно, как бы говоря: мы здесь хозяева и не собираемся менять свои древние обычаи, подстраиваясь под приезжих. В Валликау официального пляжа не было, поэтому вместо него простиралось сплошное отхожее место. Правилами ашрама запрещалось покупать что-либо у местных жителей и купаться в море. Поэтому земляки Аммы не благоденствовали и не старались держать берег в чистоте. Вот что творилось под райскими кущами.

— Керала, Керала! — съехидничал Михаил. — Грязный Джипсиленд!

Павел не нашелся что ответить. В самом деле, все наоборот. Такая везуха: жить на первой линии у теплого, ласкового моря — и поворачиваться к нему задом. В буквальном смысле и в переносном, ибо дома тоже располагались к морю задами и помойками. Их обитатели изнывали от жары, но к морю бегали только по большой нужде.

Коровы и черные поджарые свиньи, роясь в помойках, чаще бывали на море, чем их хозяева. Для женщин, чья скромность не позволяла появляться среди испражняющихся мужчин, моря не существовало

вообще. От Адама и Евы не ценили люди Рай. Хуже: за уборную держали Рай.

Неожиданно вспомнился Ваньков с его наивным проектом народного предприятия, где все благоденствовали бы среди общей разрухи, и как все похерили люди, для которых он старался. Кто для живых Рай создает, тот неизбежно потерпит крах. Только для мертвых следует создавать Рай, подумал Локотов.

В Палолеме у Михаила случился очередной приступ ярости, один из тех, которые удивляли Павла своей внезапностью и отсутствием мотивации. Нечто подобное он видел только в фильмах, которых стало особенно много в криминальной России, когда в камере один зек хочет утвердить свое превосходство и по ничтожному поводу устраивает внезапный припадок бешенства. Еще паче удивлял столь же внезапный возврат к тону обычного общения. Специальный вид бешенства, типа хорошо поставленного возмущения, которое умеют включать в нужный момент педагоги со стажем. У них для этого даже особый голос вырабатывается. Но у зеков все гораздо выразительней, правдоподобней, убедительней. У них сделанная эмоция подкрепляется самовзвинчиванием, для чего умело находят новые мельчайшие поводы. Самовзвинчивание беснующегося зека, чем-то напоминающее женскую истерику, — других аналогий для странного иной раз поведения Шутина у Павла не находилось. Убедительное самовзвинчивание, доходящее до пограничного состояния, когда кажется, будто в человеке — два человека и один другого едва удерживает от убийства или самоубийства. Да не жить мне на этом свете, мол...

Конфликт возник из-за пустяка: Павел предложил пойти в левую сторону бухты, где стояли в ряд обитаемые бунгало, как в Бенаулеме. Снять дабл-рум и в нем прожить остающуюся до отлета неделю.

— Да пошел ты... куда хочешь! — неожиданно взорвался Михаил и грязно выругался.

Он уверенно шел вправо, где не было видно никаких строений.

— Что с тобой? — спросил Павел.

— Я что, зря с собой палатку и спальник таскал через всю Индию?! Что ты, унижить меня этим хочешь?! А?!

Обернувшись, Шутин орал и размахивал руками. Лицо красное, глаза горят, редкие волосы, растущие по окоему головы, разметались от агрессивно-судорожных телодвижений. Прохожие начали оборачиваться.

— Знаю, что ты хотел пожить на природе. Я же в порядке предложения... Давай обсудим...

— Нечего мне обсуждать! Что ты хочешь сказать? Мол, дурак таскал по всей Индии палатку и спальник? А? Так ты меня, мать твою, дураком считаешь? А может, козлом опущенным? А? Может, ты мне Бенаулем припомнишь?!

Дальше посыпался отборный мат.

— Временами я отношусь к тебе как к больному, — сказал Павел. — Не знаю почему. Спорить не буду, вопрос ни о чем. Пошли. Одного я тебя на улице не оставлю. Случись что — что я твоим скажу? Уехали вдвоем, а возвратился один? Веди, куда хочешь.

Так они оказались за большим черным валуном, скрывавшим пляж. С правой стороны палолемской бухты песчаная кромка была узкой, в несколько шагов, за ней дыбились горы, поросшие густым кустарником. Позже Павел узнал, что ходить сюда вообще не следовало, так как в горах водились эндемичные кустарниковые змеи, ядовитые настолько, что кобра отдыхает. На другой, пологой стороне бухты змей не было, поэтому индусы издревле селились только там.

— Ну вот, здесь мы с тобой и обоснуемся, — как ни в чем не бывало ласково молвил Михаил. — Уютное местечко!

Местечко представляло собой двухметровый проем между скал.

— Что ж, устраивайся, а я за продуктами схожу, — предложил Павел. — Мне устраивать нечего, я же с собой не брал ни палатки, ни спальника. Ничего, песок теплый, простыню расстелю и посплю.

Психологически ему требовалось хоть на время оторваться от попутчика.

— Ну извини. Палатка у меня односпалка, — сказал Шутин.

— Да все нормально, — сказал Локотов. — Что взять?

— Ну раз это снова Гоа, бери ром дня на три. А порубать — что найдешь.

В поселке Локотов прежде всего отправился в интернет-кафе, где за десять рупий открыл свою почту, как делал каждые три дня, и прочитал свежие письма. Обычно это были всякие сплетни, но сегодня супруга превзошла «Рейтер» и Би-би-си вместе взятые. Во-первых, она сообщила новость, которую узнала случайно, через знакомую, работавшую в психиатрии вместе с Натальей Шутиной. У ее сына на днях состоялась свадьба. У сына Михаила Шутина. В то время как отец в Индии. Молодые подали заявление в загс на следующий день, как Шутин улетел, — злорадствовала жена. Другая новость касалась Ванькова. Бывшего директора избили до полусмерти бывшие рабочие. Ввалились пьяные через забор, вырвали из рук лопату и... Отлопали так, что он в реанимации.

Имеются-таки лопаты в России, и люди, знающие, как ими пользоваться, тоже, оказывается, проживают. В избытке.

Что ж они на невинном зло вымещают? Почему не бьют новых хозяев? Потому что у них охрана в черном, как тонтон-макуты? Не только в заводууправлении, но и в цехах на каждом углу стоят, за дисциплиной наблюдают. Подойдет такой кавказец к пивному ларьку в жаркий день, работяги очередь уступают, в глаза лезут заискивающе. Дружить набиваются. «Алик то, Алик се...» Отойдет Алик — шипят вслед. А почему бы открыто не возмутиться тем, что сто молодых

охранников безграмотных получают больше, чем две тысячи квалифицированных рабочих с ИТР? С некоторых пор Локотов начал сочувственно относиться к словам профессора Преображенского, который говорил, что не любит пролетариат.

Сейчас он его возненавидел всеми фибрами души и желал всяческого зла. Страстно хотел, чтобы новые хозяева измывались над рабочими, пока из них не вылезет все их гегемонское нутро. До сих пор еще не измывались, только наводили порядок. Рабочий класс! Человек труда! Символ прямоты и честности... А на самом деле — гады подкожные. Только по углам шипеть. Из-за подлости людей, которых знал всю жизнь, он возненавидел весь свой народ, который в любом месте не лучше. Абсолютное зло поселилось в нем. Тихий человек озверел.

Выйдя из интернет-кафе, Павел отправился в пьяную лавку, которая оказалась довольно приличной по индийским меркам, со столиками и без медитирующих индусов. И пустой. Взял бутылку пива «Кинг-фишер» и задумался. Интересно, Михаил знает о свадьбе сына, нарочито организованной в отсутствие родного отца, как сообщала жена? «Мыла» у него не было, был уговор об обмене новостями через Локотовых. Возможно, этим объясняется его неадекватное поведение... А за сломанную судьбу Ванькова Павлу не отмолить... Зачем сунулся с длинным носом, как с долотом: «Давайте Ванькова пригласим! Ему все доверяют, честнейший человек!» Пусть бы честный человек работал в Сибири. Приехал, выходил комбинат, как больного. А пусть бы тот тогда еще загнулся, чтоб никто ни одной акции продать не смог. Вот это было бы подделом. Чтоб эти мерзавцы, которые себя рабочим классом называют, по миру пошли, чтоб передохли вместе с потомством своим поганым. Приеду, предложу несколько способов интенсификации труда. Как скот ишачить будут! Еще и телесные наказания ввести бы. Черенками от лопат каждого лупцевать перед сменой и после. Для профилактики, ни за что. Пришел пролетарий на работу — получи пять ударов. А не нравится — иди голодай и подыхай вместе с выродками своими. Он уже и детей не жалел, и себя, и только одному человеку на свете желал добра: Лехе Ванькову. Хоть бы выжил... Хоть бы выжил...

Первое, что он сказал попутчику, возвратившись в лагерь, было безжалостное:

— Поздравляю.

— С чем? — весело спросил Шутин, доставая из мешка со снедью прозрачный пакет с яйцами.

— Как с чем? Со свадьбой. У тебя сынок свадьбу сыграл.

Яйца выпали из рук Шутина и глухо шлепнулись о пляжный песок.

— Как?!

— Не знаю. Об этом жена не написала.

Внеся разорение в душу другого человека, Локотов не наслаждался. Хуже: ему было все равно.

— А... Когда?

— На днях. Заявление подавали на другой день после нашего отъезда.

— Теперь понятно...

— Что?

— Почему они меня дружно выпихивали в Индию. И сын, и дочка, и жена. Если б не они, я б с тобой не поехал.

— Возможно, так было бы лучше.

Михаил пропустил эти слова мимо ушей. На него неожиданно напала нервозная, отчаянная веселость.

— Вот давай и выпьем за свадьбу сына! Пусть живет счастливо, сынок, падал!

У Локотова, наоборот, кураж испарился. Вернулось чувство стыда.

— Я думал, ты знаешь, — извинительно сказал он.

— А!.. Не имеет значения.

Михаил наливал и наливал при красноватом свете заката, потом фонарика. Они уже не видели друг друга. Разговаривали очень оживленно обо всем, что не волновало в настоящий момент. Обоих обволокла, как смог, отвлекающая от мыслей общительность.

— Ну, как тебе Индия? — спросил Шутин.

— Я бы сказал, что как государство Индия гораздо прочнее России. И экономически сильнее.

— Почему?

— А ты представь себе, что случилось бы с Россией, если б регионы имели такую же самостоятельность, как в Индии? Здесь Дели только внешнюю политику и оборону держит, а все остальное в штатах: экономика, культура, образование. Полиция и нацгвардия премьер-министру штата подчиняются. Считаю, собственные вооруженные силы в каждом штате. Таможни внутренние! Да нам такое — мы развалимся. У нас разве такое возможно, чтобы одна партия в Москве у власти была, а ее злейшие противники в каком-нибудь регионе правили? А это, между прочим, великолепная система — вспомни Кералу. Это ж такой взаимный контроль, что много не украдешь, когда в Дели демократы, а в Керале коммунисты. То есть у них государственность прочная, а наша держится на грубой силе и окрике. На субъективном факторе. Нашелся сильный, хитрый правитель — держимся. Интригами, угрозами, коварством, кнутом, пряником, лавированием, непонятными убийствами, замаскированными под самоубийства или катастрофы, — держимся за соломинку. Придет с благими желаниями, с пятернями враслопырку какой-нибудь новый Горби, начнет рукоблудить в телевизорах — развалимся в считанные месяцы. А он придет. Сила — это самое слабое место политики. Россия — как закодированный пьяница, который знает, что от любого мельчайшего повода может сорваться в пропасть. Свободы боится, себе самому не доверяет, жизнь не живет, а переживает каждый день с опаской, не ходит, а ступает, как зомби... И тэдэ и тэпэ.

Я мог бы много говорить, причём очень зло. Потому что больно. Но что об этом говорить?

— А экономика?

— Ещё больней. Вот мы с тобой Бомбей ругали, а ведь это мировой финансовый центр, крупнее, чем Москва, в которой восемьдесят процентов всех денег России крутятся. А он в Индии не один такой, тогда как в России, кроме Москвы, и нет ничего. Калькутта, Дели... Бангалор подпирает... Московские деньги — это нефть и газ. Мы только мечтаем о диверсификации экономики. Скоро и мечтать перестанем. Тем более что деньги виртуальные. Что такое эта долбаная Москва? Черная дыра России, куда все деньги втягиваются, как гравитацией, и выбрасываются за границей. А за индийскими финансовыми центрами стоят электроника, медикаменты, текстильная промышленность, металлопрокат. Перерабатывающая промышленность, возобновляемые ресурсы. Это не спекулятивные деньги, как в США. Индийцы прочно стоят, а мы над пропастью висим. Придумает кто-нибудь альтернативное топливо для машин — и схлопнется наша квазиэкономика вмиг. А его вот-вот придумают.

— Это банально. Об этом много пишут.

— Ты спросил — я ответил.

— Ну хорошо. А народ?

— А что народ? Они в большинстве не пьяницы, не воры, не убийцы. Ну, попрошайки. Бог с ними, это на карму даже не влияет. Хорошую религию придумали индусы. Христианство допускает грех, а индуизм — ни-ни! Сразу карму испортишь. И никакой поп не отпустит ни за какие деньги. Вина есть, греха нет. Знаешь, в чем разница? Грех попы отпускают, а вину только обиженный человек может простить. Поэтому в Индии один из самых низких уровней преступности в мире. Хороший народ. Не богаты, но улыбаются, все пытаются что-то делать, на государство не надеются. Сами выживают — как не уважать. Это для наших, — добавил он зло, вспомнив рабочих, избивших Ванькова, — кто-то сверху должен делать. А народ — он гегемон, но ни за что не отвечает.

— Хороший, стало быть, народ — индусы? А вспомни полисменов, которые нас обули?

— Во-первых, не нас, а меня. Во-вторых, правильно. Сам виноват: было сомнение, не надо было тебя слушать. В незнакомой стране лучше перебдеть, чем недобдеть. Зато за два месяца у нас никто документы ни разу не проверил. А кто мы на вид? Бродяги в стертых джинсах. В России затрепали бы проверками. Ты ничего не сделал — а у тебя паспорт требуют, ты себя не человеком, а цыпленком жареным чувствуешь. Его поймали, арестовали, велели паспорт показать...

— Ха! А меня менты ни разу не разводили! — весело заорал Шутин, уже достаточно пьяный. — Я сам разводил!

— Ну еще бы!

Михаил, чей комплекс неполноценности из-за сына нуждался в компенсации, уже не мог остановиться.

— Вот я тебе один только случай расскажу! Было у меня возбуждено дело по спекуляции в особо крупных размерах. Мужик, передовой рабочий, в конце восьмидесятых новую «Волгу» получил по очереди. Заплатил пять тысяч, а тут переворот, деньги поменялись, поток подержанных иномарок хлынул. А иномарка, хоть и подержанная, — «Волга» перед ней кочегарка. И вот он машину за пятьсот тысяч продает, добавляет и покупает «вольво». Отличная машина, десяти тысяч не набегала. Вечная. Это ж самая надежная марка. Нет, если б я мог честно палку заработать, я бы дело довел до суда, но начальник сказал: закрывай дело, что мужика мытаришь? Сейчас, мол, все продают и покупают.

— Не понял, — спросил Павел. — Какое дело вообще? Какой тут состав преступления?

— А вот такой! — с хитринкой хмыкнул Шутин. — Уголовный кодекс никто ведь не отменял! Его только в девяносто четвертом сменили, а на дворе еще девяносто второй стоял. Это был серьезный состав, до восьми лет. Спекуляция в особо крупных размерах! Купил за пять тысяч, продал за пятьсот! Ну я от начальника с делом в кабинет вернулся, подследственного вызвал и говорю: «Начальник против вас рвет и мечет, требует немедленно арестовать. Положение серьезное, но я вам хочу помочь... Есть возможность избежать тюрьмы». Мужик мне в ноги кинулся, ревет белугой. «Век бога буду молить... Сделайте что-нибудь. Всю жизнь честно жил, трудился, на Доске почета всегда висел... Не вынесу позора! Восемь лет! Спаси, родной». Короче, полный лох. Был бы барыга какой, посмеялся б только. «Есть возможность, — говорю. — Она в том, чтобы ваша новая машина стала моей». Так прямо и сказал. Вижу: можно без церемоний, мужик совсем простодырый... Сейчас и вспомнить смешно. — Раздался громкий, трескучий смех.

Павел молчал.

— Короче, оформил я этот «вольво» на своего брата, специально из Киргизии вызвал, а потом на Наталью, и год катался, как сыр в масле. Никаких шумов! Чудо, не машина! А потом продал, потому что новую взял. Потом опять новую. Каждый год иномарки менял.

— Где, в Америке?

— Что в Америке?

— Катался.

— В какой Америке?! А, в Америке! Так туда я позже уехал.

Шутин замолчал, даже в пьяном угаре осознав, что сделал какой-то промах.

— Я тебе как друг скажу... — начал было он.

— Да какой ты друг, — тихо сказал Павел. — Попутчик.

Само определение прозвучало нелепо и дико. А ведь если бы Михаил Шутин назвал его другом полгода тому назад, это был бы предмет для гордости.

И молчание опять повисло в прохладном ночном воздухе тупым колуном. Тяжело так нависло.

— Интересно, — выдавил Локотов хрипло, — машина, на которой ты бомбишь... зарабатываешь... на которой меня на дачу возил и мы с тобой шашлык жарили... тоже из подобного источника? И дача?

— А тебе какое дело? — звонко спросил Михаил. — Следак ты, что ли? Давай лучше накатим. За мир во всем мире. Посвети.

Он налил два стакана и протянул один Локотову.

Вместо того чтобы принять передачу, Павел ударил фонариком по протянутой руке, а потом направил луч света в ненавистную морду:

— Я думал, ты честный мент! — сказал он. — Честный мент! — повторил он. — Я всем врал за тебя!

Шутин отпрянул:

— Ты что... Совсем?! Ну врал я, что в Америке был. Ну и что? Чего ты взбеленился? Украл я у тебя что-то?

Он явно испугался: Локотов был выше и сильнее, а вокруг не было никого, только горы, песок и огромный черный валун.

— При чем здесь Америка, черт бы ее побрал!

Павел тоже испугался за себя, что не сдержится. Он взял рюкзак и пошел вверх по узкой расщелине, натываясь на торчащие камни. Коридор между черных скал завершился небольшой пологой площадкой. Локотов расстелил простыню, прилег. Опираясь спиной на рюкзак, он глядел в черное небо с перевернутым месяцем, как на мусульманских могилах. Как будто и месяц выпил и улегся и... уснул. Полусидя, как опытный пьяница вроде Петра Великого, который спал именно так, чтобы не захлебнуться спьяну блевотиной.

Приснилась незнакомая старуха, которой ампутировали в больнице голову, но это не помогло, старуха все равно умерла. Родственникам выдали тело, но они требовали и голову. Орали: «Выдайте нам ее с головой!» Но врачи никому никого не выдавали с головой, потому что являлись гуманистами каждый день. Голова лежала среди пустых пакетов из-под чипсов. На нее был надет пакет из блестящей, противной фольги — и голова облизывала его изнутри... Он проснулся.

Спустившись вниз, Павел увидел в лучах встающего солнца Шутина, который сидел на камне, свесив обе ноги набок, как Петрушка, и допивал из горла последнюю, третью бутылку рома.

— Будешь? — спросил он. — Как хочешь.

Два литровых баллона из-под воды тоже были опустошены. Похоже, Шутин вовсе не ложился, дурак с палаткой, которую возил-возил, но так и не поставил. Локотов с трудом нагнулся, извлек из пакета яйцо — разбились всего несколько штук, — вымыл в море, выпил. Это не помогло. Не сказав ни слова, Павел развернулся и скрылся в расщелине.

Вернувшись минут через десять с рюкзаком, он увидел своего попутчика, который кривой, но скорой походкой удалялся по пляжу в

сторону автостанции. В полном облачении, с рюкзаком за спиной. По суетности мелких шажков было видно, что, если б Михаил мог, он бежал бы. Павел догнал его без труда и спросил:

— Ты в самом деле хотел уйти вот так, ни слова не сказав?

И услышал в ответ заранее заготовленную тираду, в которой не содержалось ни одной фразы без матерков.

— Это ты меня бросил, а не я тебя! — орал Шутин. — Ты ушел, не сказав ни слова!

— Я в Палолеме остаюсь, — пытался возражать Павел. — А ты уходишь. Так кто кого бросает?

— Ты! Ты дружбу не ценишь, ты людей, которые к тебе хорошо относятся, отталкиваешь! Ты дурной человек!

— Да, — согласился Локотов и нарочно замедлил шаг.

Хоть бы что-нибудь сугубое сказал! А то ведь все равно что жена, слово в слово! Жена всю жизнь упрекала Павла за ненормальное, согласно ее мнению, отношение к людям. Сама она, «как все нормальные люди», относилась к другим так, как они относились к ней. Что представляет собой другой человек сам по себе, ее не волновало. Директриса в школе ворует на ремонтах, хороших учителей, которые не ради фальшивых показателей работают, гвоздит, но к ней лично относится хорошо — и ладно. Павел считал, что в таком случае, может быть, и не надо бороться, но и дружить стыдно. Он уходил гулять, когда эта директриса приходила в гости. Когда возвращался, жена вначале ругала его, а потом рассказывала, какая директриса воровка и самодурка. Супруга считала, что это нормально, а по-другому — это значит быть неудачником и с неудачниками дружить. С Ваньковым, например.

Моральной поддержкой для Локотова в данной ситуации был только один покойник, Пушкин, который жил в таком же противоречии до самой своей трагической смерти, которая последовала именно вследствие этого упорства. Для него важно было, каковы люди в себе, поэтому он и портил отношения с влиятельными сановниками, заставив пушкиноведа удивляться. Нельзя сказать, чтобы министр Уваров, или фельдмаршал Паскевич, или великий князь Михаил плохо относились к Пушкину, они его за гения признавали и сами к нему тянулись, — а он всех оттолкнул. С Дельвигом, Далем, с Плетневым каким-то, Матюшкиным... с другими далеко не влиятельными людьми дружил, а влиятельных оттолкнул. Отсюда и до трагедии недалеко, невлиятельные не помогут. Любимый брат императора подходит в саду, улыбается дружески: «Что, гуляешь? Расскажи какой-нибудь анекдот...» Ну расскажи! Расскажи анекдот, Пушкин! Чего тебе, известному рассказчику, стоит? Даже несмешной, ведь это же простая условность, предлог для будущей дружбы. Тебя тут же приобнимут, пригреют, покровительствовать начнут. Ан нет! «Вы не в родню, — говорит Пушкин насмешливо, — все Романовы рано оплешивлевают». И в своем дневнике напишет: поступил с великим князем «противу этикета».

Вот результат: сильные враги, бесполезные друзья... Такой человек обречен: даже если посмертно признают гением, при жизни все равно неудачник, и никакой талант не спасет. А вот у Натальи Николаевны отношение к людям было понятное, человеческое. Она охотно ездила туда, где Пушкин и бывать не хотел. Только к влиятельным людям. Кто к ней хорошо относился — тех и она уважала, не копясь, чем живет человек. Незначительных не то чтобы не уважала — не зналась. А Пушкин уклонялся от авторитетного круга, поэтому его и назначили камер-юнкером. Для его же блага, как многие думали, включая жену. Локотов читал, как поэту делались выговоры за отсутствие там, где он быть не хотел, но там был император, а Пушкин входил в его свиту — в самом хвосте, с юнцами. Еще и унижительный мундир надо было надевать. В систему встраивали, чтоб по общим правилам жил. И когда погиб, тот же Паскевич написал: «Человек он был дурной!» Ох, как понимал Павел Пушкина!

Локотов свернул в интернет-кафе, где взял бутылку воды и сел за компьютер со страхом и нетерпением.

...Он умер. Не от побоев, от инфаркта. Такая в организме авария. И никто не виноват, ведь его не убили, это была всего лишь драка.

Методичности дальнейших действий Павла мог бы позавидовать правильный покойник, степенно уходящий на тот свет. Локотов предусмотрел все до мелочей. Он взял пять бутылок рома, пять литров воды, докупил десяток яиц. Хлеб не брал, его индусы печь не умеют, добавляют много сахара. Еду, в которой нет большого количества сахара или перца, они вообще не воспринимают. Хлеб не годился. Все равно что вместо черной краюхи положить на стопку вафлю. Вообще не взял ничего твердого — знал: в рот не полезет. Тошнило при виде еды. Соли взял.

Вернулся на берег. Вымыл яйца — и те, что валялись, и те, что прикупил. Набралось десятка два. Когда мыл яйца, методично оттирая от меток грязи, бросил искоса взгляд на горы. Склон круглогодичного цветения при утреннем непекущем солнце был поразительно красив, но Павла это не задело. Красота умерла для него вместе с Ваньковым и честным ментом Шутиным. Надолго ли? — этого он не знал.

Поднялся на ночную площадку, взял рюкзак, сложил в него припасы и полез вверх, продираясь сквозь цветущий кустарник. Примерно через полчаса достиг репера, который заметил снизу: суховатое дерево, похожее на акацию, которое и оказалось акацией с небольшим дуплом. Упал в ненадежную кружевную тень. В небе реяли коршуны или ястребы — не очень крупные хищные птицы, — высматривая добычу. Короткими перелетами, поодиночке и стайками, с оглядкой на хищников, сигали, перекаркиваясь, вороны. Певчие птицы, активные при восходе, попрятались в тень от таких дневных соседей. Не было видно также чаек. Боком промелькнула мысль, что за два месяца в Индии он ни разу не видел чаек. Их биологическую нишу на здешних берегах

занимали вороны. Индусы рыбачили с лодок настолько мелкими сетями, что у чаек не осталось кормовой базы. Вспомнился Ленинград, где, наоборот, совсем не было ворон, только чайки, которые даже в кварталах, удаленных от моря, бомжевали по мусорным контейнерам. Институтское братство... Леха Ваньков... Дружили хорошо и распределились вместе. Свадьбы в один день играли. Леха далеко опередил его по службе, заслужив ненависть жены Локотова. А за что, когда по заслугам? Человек весь работе отдавался, а он, Павел Локотов, — нет. Не инженер, не писатель, не философ, но живой. Зачем? Зачем жил и, главное, думал? Кто не просто о житейском думает, тот думает профессионально. Зачем Пушкин думал выше горизонта, понятного жене? Чего хочет женщина, того хочет Бог. Это значит — выше Бога думал?

Если ему совесть неведома, то какой он Бог? Нравственный закон как звездное небо — от него или помимо него? Если от него, то Пушкин и Ваньков — законопослушные граждане Вселенной и поэтому должны были быть защищены Провидением. Нет порядка в царстве Божьем. До наоборот нет порядка. А если нет порядка — значит, есть мандат на самосуд. В том числе над властью предержавшей, сиречь Богом.

Он выкрутил крышку бутылки, выпил из горла.

— Прости! — сказал Лехе, опомнившись, и полез в рюкзак за его стаканом.

Наполнил, как положено, по самую кромку, поставил на плоскую поверхность черного камня, выступавшего из скалы. Подумал и водрузил сверху яйцо, которое легло, как будто появилось на свет специально для этого, выдавив избыток коричневой ромовой жидкости, оросившей камень. Подумал еще и присолил сверху по скорлупе.

Мышление и действие, до сих пор совпадавшие во времени, как бы разделились внутренним проговариванием. Он вначале методично думал, а потом методично выполнял, как будто в нем начали действовать два человека: думатель и исполнитель.

Подумал, что поминает Леху как пирата — ромом. А может, так и надо? Ведь честные люди и разбойники местами поменялись: первых мало и открыто действовать они уже не могут. В партизаны подались честные люди. Леха Ваньков всегда, как рыцарь, — с открытым забралом, а надо было тайком добро проворачивать. Добро сейчас можно делать только тайком, это для зла просторная дорога торная... Надо было коллектив вокруг пальца обвести для его же блага. Акции к своим рукам прибрать, как Пухно хотел... Вот чего рабочие Ванькову не простили. В нем зла не хватило, чтоб добро делать.

С усилием вспомнил о Лехе чисто, без слов, без мыслей, — и выпил теперь уже по-людски, как положено на поминках. И подумал, отрубаясь: «Ритуал... Надо держаться за него. Когда больше ничего нет, надо держаться за рутину... Это мостик над пропастью... Ритуал сам по себе становление, потому что... Надо запомнить эту мысль... надо запомнить... запомнить... Зафиксирую на яйце».

Очнулся уже в сумерках, тотчас приложился к бутылке с водой и тут же — с ромом. Огляделся. Яйцо. Белеет в сумерках. Какая-то мысль. Узелок на память. Нет, не вспомнить. И черт с ней. Черта поминать не будем на поминках по Богу. А по Лехе — тем более. Видишь, Леха, куда мне забраться пришлось, чтоб индусы не арестовали, чтоб родной обычай соблюсти: напиться, как положено на поминках по другу. Ибо не медитирую, с тобой пообщаться хочу. А у них нюх, когда человек не сам для себя напивается, а чтоб души схлестнулись. Сразу, небось, в кутузку к прокаженным. Шалите. У вас свои обычаи, у нас свои...

Вспомнил, как в одном городке, кажется, в Гокарне, видел похороны по-индийски. Покойника, завернутого в оранжевый саван, тащили на носилках почти бегом и почему-то смеялись. Потом сожгли, пепел высыпали в пруд, считавшийся священным, и разошлись, абсолютно трезвые, по домам. Выполнили ритуал.

Вспомнил! Ритуал является становлением, потому что противопоставит небытию.

В чужой стране посмотреть — деньги платить готовы. Чужой ритуал в своей стране — нож в горло. Почему? Казалось, только место изменилось, но нет. Чужой ритуал — это все равно что сигнал: исчезни! — тебе и твоему народу. Он вспомнил тонтон-макутов. В воздух они любят пострелять на свадьбах. Ну и стреляйте на своем Кавказе.

А мы вот на свадьбе выпить и подраться любим от души. Хорошая драка — тоже душевно. Однажды шли ночью с Лехой по Староневскому, вдруг из подворотни здоровяк залитый и, ни слова не говоря, — хватать за грудки. «Что, падла, думал, что уйдешь?! Это ты у меня кошелек вынул!» Внезапно. И не вырваться — двухметровый неформат. Шкаф дубовый, как будто из бывшей графской гостиной выполз. Полтонны весом. Туча. Кулачище — валун. И над головой занесен. Если б не Ваньков...

Леха не испугался. Не бросил. Крови из разбитых носов была лужа, но отбились. Мужик оказался чемпионом Ямало-Ненецкого округа по гиревому спорту. Три дня у них в общаге жил, а они ему деньги собирали на обратный билет.

— Эх, Леха!

Был ведь порядок в царстве. Потому что царство было.

Он выпил, не скупясь. Расколупал яйцо, присолил, опрокинул содержимое в себя. Потом — вдруг стало весело, и, как следствие, проснулся аппетит — еще одно, и еще одно. И еще рому.

Дальше — больше... Света он почти не видел. Очнувшись — пил, запивал, съедал яйцо, скорлупа хрустела на зубах, и казалось, что он ест землю с солью. Однажды подумал, что никогда не пил запойно, даже в России, а тут развезло дурака и где — в Индии, в трезвой стране, словно сикха какого-нибудь... Потом забыл, что он в Индии. Скукоживался под хлипким одеяльцем, когда мерз. Лицо искусали москиты. Птицы

ходили по телу безбоязненно и пачкали на него. Он стал частью ландшафта. Ландшафтно аффилированная деталь.

Однажды проснулся от какой-то тяжести. И — первая мысль, когда увидел, что у него на груди: какая мелочь, а давит! Видать, совсем отошал. Обносился телом. До голой души обносился. На груди, свернувшись клубком, лежала змея. Маленькая, не больше полуметра, змейка цвета беж. Под цвет почвы, не достигающий до красного. Пошевелился. Змея проснулась, и они некоторое время смотрели друг другу в глаза. Он понял, что он ей неинтересен. Просто озябла ночью и прилегла, найдя теплое место, как кошка. И — прощай на рассвете. Возможно, она не одну ночь таким образом коротала, а он и не знал.

Змея стекла со своего живого ложа медленной струйкой и направилась к стопке Ванькова. Павел с любопытством наблюдал за ее действиями, которые внушали священный трепет. Похоже, змея вознамерилась проглотить яйцо, несмотря на то, что ее голова была почти втрое меньше. Не спеша, приступила к обеду. По мере заглота черепные кости раздвигались, пока яйцо не исчезло. Кожа змеи, обтягивающая ползущее внутри яйцо, становилась зеленой. Видимо, чешуйки с оборотной стороны имели такой цвет. Или частично явил себя зеленый змий, пора уже ему, змию. Угнездив яйцо в желудке, змея бесшумно поползла вверх по акации, унося в себе частичку Лехиной души, упрятанной там, где змея была зеленой. Медленно заползла в дупло и исчезла.

«Ведома мне акация!» — мелькнула исчезающим змеиным хвостом заповедь строителей Храма. Поняв, что произошло, Павел обрел такую ясность ума, что свет, разлитый в воздухе, напрягся до звона, став осязаемым. Вернулось чувство мира, которое казалось вывернутым наизнанку в своей новизне. Время замерло в мгновении, как в бесконечности. Ведомо мне бессмертие! — даже если это не оно.

Акафист — это ведь от «акация», подумалось.

Найдя слово для события, Павел выполнил ставший привычным ритуал из четвертой по счету бутылки — ну его, этот чрезвычайный мир, ритуал есть спасение — и забылся сном.

Очнувшись через неизвестное время, увидел прямо перед собой огромный темный ореол, за пределами которого все было свет. Обычно он просыпался днем от лучей, бивших сквозь ненадежную дырчатую тень в глазные яблоки, прикрытые веками, и менял положение. Но все изменилось, привычной картины не стало, как будто некий джинн перенес его во сне в иное пространство, где тень стала сплошной и надежной, как в комнате. Неужели набежала тучка, и пойдет дождь? Не может быть, в Индии в это время дождей не бывает, муссонный климат. Вокруг бегали какие-то мелкие куры, похожие на бентамок, но с длинными змеиными шеями, и ловко ловили бабочек, которые, казалось, все слетелись сюда. Сделай вдох — бабочку проглотить... Компот из бабочек в воздухе... Брр! Это ж надо так допить!.. Кошмар из кур и бабочек!..

На фоне темного ореола с короной яркого света вокруг — кошмарный кошмар из бабочек и змеевидных кур... Но красиво.

Он выпил из пятой, с головой закрылся простыней. Будь что будет — и полетел с ромовым джином дальше. Снился Леха, который встал из могилы, куда вместо него улеглась его, Павла, жена, а они гуляли и веселились, пока не пришли в дом, где Леха узнал пол по доскам. «Это я стелил! — весело сообщил Леха. — Это тетки моего друга дом. Помнишь, я рассказывал. У которой муж погиб на войне и остался сын, да еще одного гуляющая младшая сестра подкинула. А она на колхозной работе простудила уши, и ей выписали капли, но она не стала капать и нарочно оглохла, чтобы получить инвалидность и работать на своем огороде и кормить детей, которые голодали, потому что в колхозе за работу ничего не давали. Так вот: у нее все получилось по задумке! Уши вытекли гноем. Вот повезло, представляешь!.. Ей все завидуют!» И они оба смеялись и смеялись, радуясь за гнойную глухоту военной вдовы. Животы натрудили, но не могли остановиться. Проснулся, содрогаясь от рыданий, на мокрой от слез простыне, не зная, какой сейчас день и где.

Хотелось и дальше смеяться и смотреть, как смеется Леха, и хотелось спать. Второго хотелось невыносимо, но первого еще больше, поэтому он не вставал долго, надеясь возвратиться в сон, а там — хоть обоссаться, хоть умереть. Но сон бросил его обидно. Пришлось вставать и отливать.

Он огляделся по сторонам. Солнце еще не опалило цветы, заставляя свернуть лепестки или поникнуть, подставив загорелые шейки. Все личики были открыты, как в Петькиной мечте про Гюльчатай... Розовые, красные, сиреневые, белые... Бабочки под стать цветам... Певчие птицы, яркие, как бабочки... На склоне горы — как на огромной картине.

Огромный сад и грязная свалка одновременно — вот что такое Индия. Огромный, цветущий сад, в котором свалены зловонные и непотребные отбросы. Так Гамсун описал явление, самое необычное на свете: сердце влюбленного. Индия — это сердце влюбленного. Мир — влюбленный, а Индия — его сердце. А если влюбленный, то непредсказуем: на чудовищное способен и на прекрасное, думал Локотов, тщателью отряхиваясь.

И тут он увидел это... Замер, пораженный. Догадка пронзила молнией — и мир вновь наполнился смыслом. Это было мгновение, стоящее вечности, а может быть, она только в таком обличье и существует? Он стоял, держась за крайнюю плоть и забыв о времени, в восхищении, пока зеленые с черным ободом глаза не закрылись другими перьями. Красота кончилась, а смысл нет.

...Павел собрал свои вещи каталептическими, восковыми движениями, почти не глядя, и пошел вниз. У моря разделся, искупался и преобразился сразу. Пропало аутическое раздвоение мысли и действия, он

весь был порыв, как в юности. Счастье присутствия и голод, голод, голод... И голод тоже был счастьем.

Локотов нацепил рюкзак и пошел по излучине залива в ближайший пляжный ресторан, открытый всем ветрам, которых не было. Была блаженная тишина теплого индийского предвечерья.

В ресторане сел напротив пожилого индуса в очках, в черном пиджаке поверх белой сорочки, похожего на учителя. Заказал то же, что и он, — тали, которое принесли спустя каких-нибудь пять минут. В индийских ресторанах это дежурное блюдо: гора риса на большом подносе, накрытая сверху двумя тонкими лепешками чапати, и — по кругу — штук десять маленьких плошек с разноцветными острыми соусами. Красиво. Плюс железный стаканчик с водой из крана: хочешь — пей, хочешь — мой руки.

Тут же — индусы общительны — нашелся собеседник.

— Ты знаешь, — говорил Локотов, — он почти сливался с цветущим склоном. А в тени под хвостом — представь себе — оказался безопасный выгул для цыплят. Если учесть ворон и ястребов, это во много раз увеличивает их шансы выжить. Вот почему самки выбирают самцов по хвосту. Мужественный птах! Над ним коршуны парят, а он стойко стоит, семью свою защищает! А люди над ним смеются, мол, ничемная птица!

Павел рассказывал запальчиво, как некую важную весть. Путал английские слова, вставлял русские, и со стороны напоминал проповедника.

— Я видел... разложенный по цветущему склону так, что... теперь все понятно, все встало на свои места!..

Индус усердно кивал из стороны в сторону и оглядывался в опаске.

— Выходит, что в любом, даже самом нелепом явлении есть смысл, до поры мы его просто не разумеем. Понимаешь? Когда это просто вычурность, причуда — это не та красота, которая спасет мир, наоборот! Пустая красота губит мир. Разве может спасти красота Элен Безуховой? Мир спасает мудрая красота гармонии. Даже если такая несуразная вещь, оказывается, имеет смысл, то мир не так уж плохо устроен. С этим вполне можно жить, понимаешь?

Локотов с надеждой посмотрел в равнодушные глаза улыбающегося человека, не понимающего его воодушевления, макнул край лепешки в соус и вдруг почувствовал мягкий, но сильный толчок в плечо. «Явился! — подумал о Шутине. — Слава богу, живой!»

Обернулся и увидел дружелюбную коровью морду. Парнокопытная зашла в ресторан полюбопытствовать, чем кормят и стоит ли захаживать на досуге.

— Отстань, — сказал Павел. — Сам голодный как волк. Шесть дней крошки во рту не было. Отстань по-доброму, а то и тебя съем.

Подбежала официантка в зеленом сари, маленькая, как ребенок, и вежливо вывела корову, приманивая лепешкой.

— А вот в России коровы по ресторанам не ходят, — сказал Локотов старику.

— Их не пускают? Бьют?! — разволновался индус. До спасения мира ему не было никакого дела, а мысль, что где-то бьют коров, взволновала его не на шутку.

— Нет. В городах коров нет.

— Да?! Это удивительно! — Собеседник вытаращил глаза. — А откуда тогда молоко?

— Из деревни, — сообщил Павел.

— Не может быть! В деревне свое молоко, в городе свое молоко.

— Деревня дает молоко городу.

— Город отбирает у деревни молоко? Это нехорошо. Нельзя людей обижать, — с менторским достоинством молвил индус, похожий на учителя, вымыл руки, полив водой над подносом, из которого ел, встал.

Все-таки Индия — наоборотная страна. В России часто можно встретить мужика в штанах без пиджака, но в пиджаке без штанов — это беспредел. А теперь перед Локотовым стоял человек, у которого вместо штанов была намотана белая набедренная повязка. Обувь на ногах не было, что удивляло даже больше, чем отсутствие штанов.

Перед едой руки не моют, моют после еды — обобщилось еще одно наоборотное наблюдение.

Увлечшись вкусным тали, Павел даже не обернулся, когда его толкнули еще раз.

— Пошла вон, — пробубнил он с набитым ртом, — по рогам получишь.

— Я пока еще мужского пола, — сказала корова, села напротив и оказалась Шутиным.

— Привет! — весело сказал Павел. — Ты английский на зоне выучил?

— Подновил, — усмехнулся Михаил. — В школе учил, в институте.

— Большой срок?

— Три года.

— Свои, конечно, подставили?

— Конечно. Вместо лоха — барыгу. Он вначале простаком прикинулся, я нажал, а там все на камеру писалось. Завидовали, подлецы, что я с генералом дружу. Пришлось в психушке прятаться, время тянуть. Иначе больше дали бы. Понимаешь, я ведь все для них... Для сына, для дочки!.. В люди выводил. Учеба, то-се, чтоб тачка нестыдная... Сынку после первого курса купил «опель». А как же? Тачка есть — девки есть, тачки нету — девок нету, а значит, и парня этого как бы нет на свете. Не на зарплату же это все. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Павел. — На зоне чел был, который по Америке мотался? Да?

— И это знаешь?

— Я теперь все знаю, — пошутил Локотов. — Да и невелика загадка с двумя неизвестными. Где ты был?

— В Агонде жил. Тут неподалеку.

— В палатке?

— Домик снимал.

— Выходит, зря палатку возил? Дурень с палаткой.

Они рассмеялись. «Про акафист ничего не скажу, — подумал Павел, — и про павлина тоже». Мир обрел смысл для него, потому что у него появилась тайна. Ему стало обидно за свою недавнюю злость, которая казалась даже не стыдной — скучной.

Спустя неделю, сидя у свежей могилы, Павел говорил:

— Ты понял, Леха? В сухой сезон в тропиках цветы распускаются на рассвете и в сумерках, днем закрываются. Павлин создает своим огромным хвостом тень, заманивая бабочек со всей округи. Цветы раскрываются и испускают аромат. Сюда залетают бабочки в поисках нектара — и потомство павлина оказывается обеспечено едой. Да если б не папин хвост, павлинята вообще не имели бы шансов выжить! Ведь их природный корм — летающие насекомые, а у павлинов, как у всех куриных, есть такая особенность: «куриная слепота». Они слепнут в сумерках, стало быть, ловить бабочек не могут. В жару бабочки не летают, потому что цветы не дают нектара, он мгновенно испаряется. Павлин, создавая тень, побуждает бабочек летать, причем во множестве, в одном месте. Там воздушный коктейль из бабочек! Цыплятам остается только рты разевать. Зацени, какой ансамбль создала природа! Согласись: не может быть, чтобы такой совершенный мир не имел никакой цели. А на голове у павлина — яркий венчик, похожий на цветок, что маскирует его самого и создает тень для головы. Это такая красота, такое совершенство! Это бессмысленная красота и при этом добрая, не горгонья. Мир прекрасен, Леха! Ты думаешь, мол, неудачник, что жизнь провалил, что не поняли тебя? Заботу и опеку твою? Но у природы тоже ведь не сразу все получилось! Сколько провалов было, пока такое совершенство сотворить смогла, на первый взгляд совсем бессмысленное! У природы получилось и у людей получится.

Через месяц он уехал в Индию навсегда. Его видели сидящим на берегу и с улыбкой глядящим в океан.

